

АРОН
РОДОВИЧ

СЕРГЕЙ
ШИЛЕНКО

+10 ОС

Кира

ГОРОД ГОБЛИНОВ

ГРОМ

ТОМ 2

Арон Родович

Город Гоблинов. Гром II

«Автор»

2026

Родович А.

Город Гоблинов. Гром II / А. Родович — «Автор», 2026

Новая история во вселенной «ГОРОД ГОБЛИНОВ». Егор Громов должен был умереть после предательства. Вместо смерти он получает статус Игрока и оказывается в мире Системы, где сила измеряется уровнями, а ошибка стоит жизни. Впереди — захваченный гоблинами город, испытание на выживание, новые союзники и враги. Чтобы выжить и вернуться домой, Грому придётся стать сильнее...

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Арон Родович

Город Гоблинов. Гром II

Город Гоблинов

Гром II

Арон Родович

Сергей Шиленко

Глава 1

Не ломал и не выкручивал. Просто прижал и подержал ровно столько, чтобы он почувствовал разницу между тем, что он задумал, и тем, что может. Он дёрнулся один раз, для приличия, и перестал.

Его четверо шевельнулись. Степан зажал полученные ремни под мышкой и шагнул вперёд. Щит у него висел на ремне вниз, но стоял он ровно между Борисовыми и нашими: если бы сейчас началось, начиналось бы с него.

Я отпустил. На столбе остался мокрый след его ладони.

— Остальное руками не трогай. — Я заправил горловину трофейной сумки под пояс и кивнул Льву. Тот прошёл во двор, уже не оглядываясь на Бориса.

Борис растёр запястье, не глядя на него. Лицо у него не изменилось — ни злобы, ни унижения, ничего, что можно было бы потом припомнить при своих. Он умел проигрывать мелочь.

— Ладно, — сказал он. — Закрыли.

Степан расправил один ремень, дёрнул пряжку, проверяя, крепко ли сидит.

— Мне хватит, — сказал он своим. — Всё.

И отнёс связку на свою сторону двора, к колодезной стене. Мешок Бориса так и лежал у калитки, под его сапогом.

Кира прошла мимо Бориса с флягой в руке, к раненому и Ладе, и уже на ходу бросила через плечо:

—левой рукой дверь придержи. Правую ты уже пристроил.

Кто-то из его четверых фыркнул и тут же закашлялся. Борис придержал калитку левой. Кира прошла, не оглянувшись.

Во дворе было тесно от людей.

Ладу окружили сразу. Раненого переложили на широкую доску, которую кто-то притащил от навеса, и она отгоняла лишних коротко и неласково, как отгоняют кур: не словами, а локтем и взглядом. Осталась одна женщина с ведром и Кира.

Лада разрешила на нём рубаху, не снимая, — вдоль, от ворота вниз, — и отвернула края.

Я стоял в шести шагах и смотрел, потому что на носилках он был моей ношей и мне хотелось знать, донёс я его живым — или зря тащил.

— Воды, — сказала Лада. — Не лей. Смачивай.

Кира намочила полосу и подала.

Рана была в боку, ниже рёбер, и она не хлестала, а набухала — медленно, тёмным. Лада прижала к ней сложенную ткань ладонью и держала так долго, что я успел сосчитать до сорока.

— Держи вот здесь, — сказала она Кире и переставила её руку на своё место. — Сильнее. Не бойся, ему сейчас уже не больнее.

Кира надавила. Лицо у неё стало очень сосредоточенным, таким же, как когда она уводила людей из-под навеса.

— Он выживет? — спросил я.

Лада не обернулась.

— Откуда я знаю? — Она размотала следующую полосу. — Если к утру не начнёт гореть — выживет. Если начнёт — я тебе скажу.

Это был честный ответ, и он меня устроил больше, чем устроило бы обещание.

Костлявый со своим мешком уселся у стены и наконец его развязал, и оттуда ничего особенного не выпало — свёрнутая рубаша, деревянная ложка, кусок верёвки. Он разложил это на коленях и долго смотрел.

Я отошёл к вытертому кругу песка у дальней стены, где обычно работали люди Ордена, и там остановился.

Форма всё ещё была на мне.

Псевдоплоть держалась с самой площади — второй серый слой поверх кожи, толще собственной, с чужой посадкой в плечах. На правом наружном предплечье шла борозда от чьего-то тесака, глубокая, с вывернутым краем. Под ней ничего не болело. Под ней вообще ничего не было, кроме моей руки.

Кира подошла и встала напротив. Посмотрела мне в лицо — вернее, туда, где под слоем угадывалось лицо, и сложила руки.

— Ну?

— Сейчас.

Я открыл окно формы.

Универсальная боевая форма № 417 висела там же, где висела с рынка, со всеми своими цифрами, и под ними — пять пустых гнёзд для особенностей. Первое выделено. Право выбрать бесплатно я получил вместе с формой, ещё за каменной тумбой, когда на меня шли трое, и тогда я его не тронул — не для того я до него дожил, чтобы ткнуть наугад под копытами.

Список был длинный. Я прошёл его сверху вниз, отбрасывая всё, что усиливало то, что у меня и так работало: лишний вес удару я добавлю кулаками, лишнюю скорость — ногами. Остановился на том, чего у меня не было вообще.

Защита от сканирования. Ранг Е. Скрывает системную информацию о носителе от чужих определяющих способностей и предметов.

Я выбрал её.

— Смотри на меня, — сказал я Кире. — Что видишь?

— Тебя. Страшного.

— Над головой.

Она подняла глаза.

Я включил.

Кира моргнула, отступила на полшага и посмотрела внимательнее — так, как смотрят на строчку, которая расплылась.

— Пропало, — сказала она. — Было имя, а теперь ничего. Пусто. Даже не серое, а вообще ничего нет. — Она наклонила голову. — А ты всё равно ты.

— Это и надо было проверить.

— Голос твой. И стоишь ты как ты. — Она обошла меня по кругу, остановилась сзади и ткнула пальцем между лопаток, куда доставала. — Вот так ты всегда стоишь. Правое плечо выше.

— Плохо, что заметно.

— Это мне заметно.

Я выключил защиту. Строчка вернулась на место, и Кира кивнула сама себе — не удивилась, просто отметила, что вернулась.

Потом я снял форму.

Это было похоже на то, как уходит в песок вода: серый слой потерял плотность, стал сквозным и впитался куда-то внутрь, оставив на коже холод. Перчатки я успел снять раньше и теперь держал их под мышкой. Куртку Кира положила вместе с моей сумкой на край лавки.

Кира взяла мою руку и повернула к свету — не всего меня осматривать, а именно то место, где на сером была борозда.

Кожа была своя. Волоски, старая ссадина у локтя, вчерашняя грязь. Ни пореза, ни синяка. Она провела по этому месту пальцами, сверху вниз, будто проверяя, не осталось ли шва.

— Оно всё принимает на себя?

— Не всё. Оно принимает, пока цело. — Я согнул руку. — Если бы он попал второй раз в то же самое, там бы уже не было ничего между нами.

— Значит, сегодня повезло.

— Сегодня я не дал ему попасть второй раз.

Она не отпустила руку. Держала за запястье, вроде бы рассматривая, а на самом деле просто держала, и я не стал отнимать. Во дворе кричала Лада, кто-то тащил воду, у калитки Борис пересчитывал своих. Мы стояли посреди этого и молчали, и мне было хорошо ровно так, как бывает, когда всё уже случилось и никто из своих не остался лежать.

Потом Кира упёрлась мне ладонью в грудь и отодвинула на расстояние вытянутой руки.

— Теперь слушай. — Голос стал другой, деловой. — Ты вышел из-за камня в этом. Я знала, что это ты, потому что ты шёл драться туда же, куда шёл до этого. А если бы ты вышел ко мне из темноты? В коридоре? Со спины?

Я подумал.

— Ударила бы.

— Ударила бы. — Она убрала руку. — Поэтому предупреждай, прежде чем надеть.

— Не всегда получится. Я его надел, когда мне заходили за спину. Меня никто не предупредил.

— Тогда придумай что-нибудь.

Я поднял кулак и коротко крутанул правым плечом — тем движением, которое она только что заметила. Так я зову на разминку. Она посмотрела и качнула головой.

— Нет. В темноте я не буду разбираться, красиво ли ты вертишь плечом.

— Тогда пароль. Я говорю: «Дверь», ты отвечаешь: «На себя». И держишь кинжал, пока не убедишься.

— Если услышат?

— Поменяем. В бою я сначала предупреждаю и не подхожу вплотную. Сомневаешься — стой за щитом Льва, пусть я сам докажу, кто я.

Кира подумала.

— «Дверь». «На себя». — Она вытащила у меня из-под мышки перчатки, подхватила с лавки куртку и сунула мне всё в руки. — И вернись потом собой. Не в этом.

— Вернусь.

Она пошла к Ладе — там уже требовали держать человеку плечо. Я надел куртку и затянул ремни «Костоломов» на своих кистях: после оболочки пришлось подтянуть каждый.

Я сел на ту же лавку под навесом и вытянул ноги.

Я проверил трофейную сумку: отдав ремни Степану, я её опустошил. Поднёс к горловине своей, подтвердил объединение — и ремень ощутимо полегчал в руке.

Сумка Мародёра. Класс Е. Масштабируемость: 1/7. Скрадывает объём. Уменьшает вес содержимого в двадцать раз. Замедляет порчу. Позволяет переносить в родовую локацию предметы, не относящиеся к Системе, и хранить внутри сумки меньшего ранга без поглощения.

Счётчик начался сначала: одна из семи. Семь сумок F легли в одну Е.

Я перечитал строку про родовую локацию. В первый день я запомнил: случайную находку мало донести до выхода. Теперь её хватало донести до этой сумки. Взял из трофейной кучи нагрудник из трёх железных полос — тот, что мешал Кире доставать кинжал. Опустил его в сумку, поднял за ремень и рассмеялся: железо тянуло вдвое слабее прежнего.

— Вот теперь можно ещё набрать. — Денис протянул мне свёрнутую кольчугу.

— Твою не унесу. Сам носить будешь.

Он не стал спорить и вернул её к своей лежанке.

Гром.

Уровень: 11 (178/220 Очков Системы).

Сто семьдесят восемь. Почти дотянул до следующего, но смотрел я сейчас не на уровень.

Я вызвал список навыков.

Рукопашный бой. Ранг: F. Уровень: 4/5.

Четвёртая ступень. Купленная сегодня, за шестьдесят, за косяком арки, пока Лев со Степаном держали низ. Она отдала своё сразу: раньше, закончив одного, я на миг искал следующего, а сегодня разворачивался на вторую цель и успевал. Шестерых на лестнице я прошёл только потому, что успевал.

Я провёл ладонью по предплечью — там, где на форме была борозда от тесака. Слабых я сносил, но щит и копье за ним заставляли обходить, вытягивать, искать угол. Бить я умел. Теперь хотелось добираться до удара быстрее.

Восемьдесят.

Я нажал.

Рукопашный бой. Ранг: F. Уровень: 5/5. Мастер.

Я сжал кулак, бросил короткий прямой и вернул руку к подбородку. Плечо больше не приходилось дотягивать вслед за кистью: движение собралось, стало короче. Я повторил левой, правой — и поймал себя на улыбке. Восемьдесят ушли не зря.

Уровень: 11 (98/220 Очков Системы).

И следом за ступенью пришло второе окно.

Достигнуто мастерство в боевом навыке. Доступен выбор Школы.

Я читал их долго.

Школ было много, и почти все обещали то, чего я и так добивался. Тяжесть в кулаке. Вязкость в захвате. Вес в корпусе, чтобы стоять там, где стоишь, и не двигаться, пока в тебя вкладываются.

Одна обещала бить так, чтобы ломалось не то, во что ударил, а то, что за этим стоит. Я на ней задержался надолго. Представил, как это работает против щита — как бью в железо, а ломается рука, которая его держит.

И снял выбор.

На лестнице противники менялись парами, и, пока я добирался до одного, второй успевал выставить оружие. Я сорвал им смену, ударив того, кто ещё не занял место. В следующий раз хотелось не ждать такого промежутка.

Мне не надо было ломать то, что за спиной у противника.

Мне надо было там оказаться.

Школа Короткого Шага. Рукопашное пространственное направление.

Я взял её и окно перестроилось.

Изучен начальный магический стиль Школы.

Блинк. Е+. Мгновенное перемещение в свободную точку в радиусе 5 метров. Стоимость: 1000 маны.

Палец остановился на строке расхода. Тысяча. Я вернулся глазами к своим семистам: число осталось прежним.

Пять метров. От лавки, на которой я сидел, до бочки у стены было примерно пять. От края каменного стола на рынке до того места, где стоял Харен, тоже примерно пять. От нижней ступени, на которой меня держали щитом, до площадки, где этот щит уже ничего не закрывает — меньше.

Степан как раз шёл через двор, со щитом на ремне, и остановился поговорить с одним из своих у колодца. Я посмотрел ему в спину, потом на пустое место за ним — утоптанное, ровное, без досок и без людей.

Я поднял руку и совместил костяшки с пустым местом возле его плеча. Сейчас пришлось бы обходить щит. А так — исчезнуть перед ним, оказаться сбоку и ударить, пока он ещё держит перед собой пустоту.

Я уже хотел попробовать. Прямо сейчас, пока Степан не ушёл.

— Что? — Кира села рядом, отняла у меня флягу с края лавки и открутила пробку.

Я показал подбородком на песок за Степаном.

— Я буду там раньше, чем он успеет развернуться. Если дорасту.

Она посмотрела туда, потом на меня.

— Прямо сейчас?

— Нет.

Я провёл пальцем по невидимой ей строке и убрал руку:

— Тысяча маны.

— А у тебя сколько?

— Максимум семьсот.

Кира молча сделала глоток и вернула мне флягу.

— То есть тебе выдали то, чем ты не можешь воспользоваться.

— Выдали то, до чего я не дорос. — Я закрыл флягу. — Это разные вещи.

Мудрость. Семь. Каждая единица — сотня сверху. Три единицы — и максимум станет тысячей, и тогда эти пять метров перестанут быть картинкой в окне.

Свободных очков у меня не было. Очки давали за уровни, а до двенадцатого мне оставалось сто двадцать два.

— Сколько тебе надо? — Кира подвинулась, освобождая мне край лавки.

— Три очка в Мудрость. За два уровня наберу. — Я встал и повернул плечи, разминая спину. — Два вложу сразу, ещё одно — со следующего.

Кира тоже встала и забрала флягу.

Через двор к нам шёл Степан. Он остановился на краю песчаного круга, снял со спины щит и поставил его ребром на землю, придерживая ладонью.

— Слушай, — сказал он. — Мои спрашивают, завтра-то что.

Я посмотрел на щит.

Пять метров от того места, где я стоял, до того места, где у Степана открыт бок.

— Щит свой не убирай, — сказал я. — Хочу посмотреть, куда вставать...

Глава 2

Черту я провёл носком сапога поперёк утоптанного песка.

Потом отсчитал шаги. Свой шаг я знаю: семь моих — это примерно пять метров, если не тороплюсь и не крадусь. Отсчитал семь и провёл вторую черту. Между ними получилась полоса двора, в которой умещался средний человек с оружием и ещё оставалось место, чтобы этого человека обойти.

Степан стоял посередине.

— Так и стоять? — спросил он.

— Так и стой. Щит подними, как будто перед тобой я.

Он поднял. Щит у него был обычный, круглый, с железным умбоном и двумя ремнями, окантовка в трёх местах пробита и стянута проволокой. Степан взял его правильно — не прижал к груди, а вынес вперёд на согнутой руке, и локоть держал свободным. Меч при этом оставался в ножнах. Он дрался мечом, но мне сейчас нужен был щит.

Я пошёл к нему пешком.

Не с разбега, не с финтом. Обошёл его по кругу, как ходят вокруг дерева, которое собираются валить, и встал за левым плечом — там, куда я обычно и стремлюсь попасть, когда мне мешает чужое железо.

— Разворачивайся.

Степан развернулся. Не прыжком — просто переставил ногу и повёл щит.

Край щита пришёлся мне точно под локоть.

Я замер и постоял так, чувствуя, как металлическая окантовка упирается в руку. Если бы я оказался здесь мгновенно, из ниоткуда, — я оказался бы вплотную к нему, с его щитом в собственной подмышке и без единого сантиметра, чтобы замахнуться. Он бы просто навалился и поднял меня весом.

— Ну? — сказал Степан.

— Плохо.

Я отступил на два шага в сторону, к его вооружённой руке, и встал уже там. Развернулся к нему лицом, поставил ноги, попробовал короткий прямой в воздух — так, чтобы не достать до него.

Здесь было хорошо. Здесь щит оставался за его собственной спиной, а до его головы мне было ровно на длину моей руки.

— А вот сюда, — сказал я. — Запомнил.

— Чего ты запоминаешь?

— Куда вставать.

Кира прошла через круг, остановилась там, где я только что примерялся, и наклонилась. Подняла из песка обрезок доски с торчащим гвоздём и отбросила его к стене. Под доской остался вдавленный след, а рядом тянулась старая борозда — кто-то когда-то волок здесь железо и пропахал канавку в ладонь шириной.

Она не стала её равнять.

— Вот эту тебе никто не уберёт, — сказала она.

Я подошёл и посмотрел. Борозда шла ровно поперёк того места, где я собирался ставить правую ногу.

Я посмотрел, куда встанет сапог. Точка должна быть свободной — так и написано. Но борозда — не человек и не стена; попадать в неё ногой всё равно не хотелось.

— Тогда левее на ладонь, — сказал я и переставил ногу.

— И не в лужу, — добавила Кира.

— И не в лужу.

Степан опустил щит и почесал бровь краем ремня.

— Я так и не понял, во что мы играем.

— В то, что мне скоро понадобится.

— А, — сказал он, и больше не спрашивал.

Кира взяла у Степана щит двумя руками и встала на его место. Я отошёл за первую черту, а она сразу повернула голову к отметке за плечом.

— Уже ждёшь? — Я ткнул пальцем в песок.

— Ты сам показал. Только предупреждай, когда начнёшь. А то я тебе этим и стукну. — Она приподняла щит, примеряясь.

— Тебя предупрежу. Его — нет.

Я забрал у неё щит и отнёс Степану. Всё, что можно было проверить без тысячи маны, я проверил: где встать, где не встать — и что тот, кто знает, куда ты денешься, встречает тебя уже там.

Кира дождалась, пока Степан отойдёт, и сказала:

— У тебя же есть камень.

Я знал, о чём она.

Вынул из внутреннего кармана свёрток, развернул тряпицу. Кристалл лежал на ладони — тот самый, из ларца Резчика, который я таскал с собой с той ночи на складе и из которого не взял ни единицы. Пятьсот. В этом городе пятьсот чужой маны на дороге не валяются.

Я положил его на край каменного борта, а рядом поставил флягу.

— В меня сейчас входит семьсот. — Я придержал камень пальцем. — Этим можно долить потраченное. Но вместить тысячу я от этого не смогу.

Кира взяла камень, повертела на свету и вернула мне.

— Значит, бережём до тысячи.

— До тысячи. — Я завернул его обратно и убрал к карте меча.

До настоящего переноса не хватало трёх очков характеристик. Ближайший уровень даст два; за третьим придётся идти до следующего. Больше я в этот круг не возвращался.

На пути к мастерской я всё-таки ещё раз прикинул расстояние: от бочки до угла — пять, от лавки Дениса до двери — четыре. Скоро между ними мне не придётся идти.

В маленькой комнате у двора Лада разложила своё на лавке и теперь резала полосы из чистой ткани. Денис сидел напротив, вытянув правую ногу вдоль лавки, и держал натянутым ремень, который Кира резала ножом на полосы нужной длины.

Я положил карту меча на стол, между ними.

— Это то самое? — Денис вытянул шею.

— То самое.

Я вызвал описание.

Меч Порогов. D. Божественное оружие.

Владелец: отсутствует.

Доступно: посвящение покровителю Порогов.

Свойства оружия недоступны без посвящения.

Я коснулся карты и вызвал Идентификацию. Резерв просел; под обычной справкой развернулось ограничение: привязка к покровителю, доступ к свойствам через посвящение. Ни карты владельца, ни его смерти для снятия запрета не хватало. Я убрал пальцы. Хорошо, что проверил здесь, а не рассчитывал раскрыть меч первым же ударом в храме.

Ниже шли строки помельче.

Про то, как делится взятое оружием из убитого. Сорок частей из ста — тому, кто держит. Двадцать — покровителю. Сорок — Системе.

Я перечитал эти три строки медленно.

Сорок мне. Двадцать — покровителю, о котором я не знаю ничего, кроме того, что пропажу он, надо думать, уже заметил.

Мои перчатки брали пятьдесят, и покровителя у них не было. Куда уходила вторая половина, Система мне ни разу не писала.

Дальше в описании стояло ещё одно слово, отдельно от посвящения. «Присвоение». Одним словом, без единого пояснения — как незакрытая дверь, за которой пока темно.

Я прочитал всё до конца. Второй раз, потому что первый раз читал на площади, за щитом Льва, и тогда мне было не до мелких строк.

Денис подтянул ремень, который держал для Киры.

— Что просят за эту красоту?

— Посвящение. И двадцать из ста — покровителю. — Я подвинул карту подальше от её ножа. — Мне останется сорок. Перчатки и без него берут пятьдесят.

— Пока меч у их человека, с каждого убитого капает им. — Денис придавил ремень коленом и освободил край для разреза. — Ты его унёс — перестало капать. За этим и придут.

Лада, не поднимая головы от полос, сказала:

— Двадцать из ста. Я правильно услышала?

— Правильно, — сказал я.

— За двадцать из ста у нас на мельнице удавились бы.

Кира отрезала последний кусок ремня и положила его на стол рядом с картой.

— Так пусть хозяин сам с ним и ходит, — сказала она.

Я накрыл карту ладонью.

— Он уже ходил. Не удержал.

В описании была ещё одна вещь, о которой я вслух не сказал.

Посвящение просило не только согласия. Оно предлагало перевести часть того, что у меня уже есть, в другое. Мудрость — в Веру. Ту самую Мудрость, из которой у меня складывается запас маны и которой мне не хватает ровно на три единицы, чтобы пять метров перестали быть картинкой.

Мне предлагали заплатить за силу тем самым, что я как раз собирался растить.

Отдавать я карту не собирался. Соглашаться — тоже. Я убрал её во внутренний карман, к кристаллу, и застегнул клапан.

Лада, не отрываясь от работы, сказала:

— Только в комнате этим не размахивай.

В косяк стукнули.

Степан стоял в проёме, уже со щитом на руке, и показывал большим пальцем себе за плечо, вниз.

— Четверо, — сказал он. — Идут снизу. Один со знаком.

Денис отложил ремень.

— Степан, через боковой двор к нижнему повороту, — сказал я. — Отрежь им дорогу, если рванут назад.

Он кивнул и пошёл вдоль мастерской, а я вышел к калитке.

Их было четверо, и они уже поднялись до последнего поворота наружного прохода — того самого узкого места, где стена мастерской выпирает каменным лотком и где двоим рядом не пройти. Гоблины. Старший шёл первым и нёс перед собой на вытянутой руке медную бляху на шнуре, а во второй руке держал свёрнутую полоску.

Я не стал впускать их во двор. Вышел за калитку сам и встал так, чтобы лоток остался справа от меня, а стена — слева.

Кира встала в проёме калитки.

— Справа, за лотком. — Она придержала створку, не выпуская меня из виду.

Я не обернулся. Четвёртый действительно отделился и пошёл вдоль лотка, забирая туда, откуда меня было бы удобно достать сбоку. Он не крался. Просто шёл, будто так и надо.

Старший остановился в пяти шагах и поднял бляху выше.

— Храм Порогов, — сказал он. Речь у него была рваная, но понятная. — Имушество храма у тебя. Вернёшь. Потом придёшь сам.

Он развернул полоску и показал. Там был знак — тот же вырез, что и на бляхе, и несколько строк, которых я не читал.

Я показал ему пустую ладонь.

— Не отдам.

— Это не твоё.

— Уже моё.

Старший посмотрел на мою ладонь, потом мне в лицо, и что-то у него внутри щёлкнуло. Та маленькая пружина, которая у посыльного всегда стоит между «мне велели поговорить» и «мне велели забрать».

Он сунул знак за пояс и двинулся прямо ко мне. Я дождался, пока между нами останется шаг, и встретил его сам.

Короткий вход — и я уже внутри его замаха, и его локоть уходит мимо моего плеча наружу. Он успел выдернуть из-за пояса короткий клинок. Я сбил его руку предплечьем в сторону лотка и ударил перчаткой в висок.

Кость хрустнула под накладкой. Голова мотнулась, он рухнул поперёк прохода прямо под ноги двум следующим, и бляха выскользнула из-за пояса, звякнув о камень. Только что требовал вернуть меч. Теперь через него лезли остальные.

Второй переступил через него, выставив вперёд короткое копьё. Он держал древко правильно — близко к наконечнику, чтобы не размахиваться в тесноте, но в тесноте это ему и помешало: между стеной и лотком не было места, чтобы увести острие вслед за мной.

Я ушёл к его наружной стороне, прижал древко ладонью к каменному лотку и ударил свободной рукой снизу в челюсть. Голова запрокинулась, изо рта брызнуло на камень. Он ещё держался на ногах, когда я обогнул плечо и ударил сверху по затылку. Колени сложились; копьё осталось у меня под ладонью.

Третий подался вперёд через плечо второго, пытаясь достать меня ножом в спину. Достал бы, если бы второй падал быстрее.

Я развернул падающее тело за куртку в его линию. Третий уткнулся в него, отшатнулся, потерял на этом полшага, и я вошёл в эти полшага, подбил ему опорную ногу и опрокинул на камень. Он приземлился на локоть, зашипел, попытался перевернуться и пустить нож снизу. Я наступил ему на запястье и ударил перчаткой в лицо. Один раз. Хватило.

Четвёртый, тот, который шёл вдоль лотка, увидел всё это и побежал.

Не ко мне — вниз, к повороту, туда, откуда они пришли.

Он успел сделать четыре шага.

За поворотом его встретил щит.

Степан не рубил его и не гнался за ним. Он просто вышел в узость и поставил щит поперёк, и гoblin с разбегу впечатался в железный умбон, отлетел назад и сел на камень.

Когда он поднялся, я уже был рядом.

Он рванул из-за пояса нож левой рукой. Я отбил кисть в стену, прижал её и подсёк ему ногу. Нож выпал под щит Степану. Гоблин зашипел, попытался укусить меня за предплечье; я развернул его лицом к стене и заломил руку.

— Денис! Меч возьми. К калитке — только на больную не прыгай.

Степан подхватил гоблина с другой стороны. Мы довели его до проёма, удерживая руки. Денис уже сидел на придвинутом табурете; Кира стояла рядом с кинжалом. Гоблин рванулся на него, и я вжал его плечо в косяк.

— Под ребро. Обеими руками держи.

Денис не попал с первого движения — остриё скользнуло по ремню. Он перехватил рукоять, упёрся здоровой ногой и вогнал клинок. Я удерживал противника, пока тот не обмяк, не касаясь меча перчатками. Только тогда мы со Степаном опустили тело.

Внимание! Получено 7 Очков Системы.

Внимание! Получено 7 Очков Системы.

Внимание! Получено 7 Очков Системы.

Уровень: 11 (119/220 Очков Системы).

Мне — двадцать одно. Денис смотрел в своё окно и тяжело дышал.

— Четыре, — сказал он. — Получил.

Он вытер ладонь о штанину и снова ухватился за рукоять; Кира помогла извлечь меч, придерживая его руки.

— Уже твои. — Я отодвинул тело от порога. — Дальше будем добирать. Не сиди с одним ударом: со Львом движение отработаете, только колено не крути.

Он кивнул, не поднимая глаз. Четыре ОС ногу не вылечили и бойцом его не сделали. Но теперь он не только ждал, когда остальные вернутся.

Я выдохнул и расправил пальцы. На перчатке темнела чужая кровь; обе руки слушались, ноги стояли крепко. Кира стояла возле Дениса, придерживая его за плечо. Я кивнул ей: всё. Четверо уже никуда не войдут.

Степан вернулся к повороту за выпавшим ножом. Принёс, вытер и отдал Денису вместе с ремнём.

— Не успел далеко. Хорошо, что обойти послал.

Я вытер перчатку о рубаху убитого и отступил, освобождая проход.

Кира вышла из калитки. Она держала кинжал, но не опускала руку, а несла его вдоль бедра, как человек, который не собирается им пользоваться, но и убирать не спешит.

Она подошла к старшему и присела. Кончиком щепки, подобранной тут же у стены, подцепила из-за его пояса кожаную полоску и подала мне, не касаясь пальцами.

— На всякий случай.

Я взял. Полоска была кожаная, мягкая, на ней тиснением — тот же знак с открытым проходом, и три строки — не такие царапины, как в ларце Резчика. Эти Язык Системы мне не переводил.

Бляху я поднял сам. Она была медная, тяжелее, чем выглядела, с вырезом посередине.

Потом я прошёл по всем четверым.

Это заняло меньше времени, чем сам бой. Пояса, за пазухой, голенища. У старшего — тряпица с сушёным мясом и три мелкие монеты. У второго — ничего, кроме собственного копья. У третьего нож и обрывок ремешка. У четвёртого пусто.

Ни одной карты.

Я постоял над последним, проверяя, не подвернулось ли что под тело, и не нашёл. Так бывает чаще, чем хочется: не с каждого что-нибудь остаётся, и никакого правила на этот счёт я за все дни не вывел. На рынке я поднял пять карт, а здесь с четверых — ни одной.

Оружие их я тоже оставил лежать. Короткие клинки были обычные, ковка грубая, у одного щербатое лезвие; за такое в этом городе не дадут даже кружку воды.

За спиной хлопнула дверь мастерской.

Савель вышел на шум, на ходу вытирая руки о штаны, увидел четыре тела и остановился. Потом посмотрел на бляху у меня в руке.

Он подошёл ближе. Прищурился — он всегда щурился на мелкое и отодвигал его от лица на вытянутую руку.

— Дай.

Я дал.

Савель повернул бляху к свету, провёл большим пальцем по вырезу, и лицо у него стало другое — не удивлённое, а вспоминающее.

— Не надпись, — сказал он. — Вырез.

— Что?

— Вырез такой. — Он показал пальцем. — У них у всех такие, у кого пропуск в служебную часть. Я эту форму видел. Вот такую же, с дыркой посередине и уголками.

— Где?

— У боковой двери. Со стороны водостока. — Он вернул мне бляху. — Я там четыре дня работал, когда у них слив забило. Наружу выходил один с корзиной, у него на поясе висело вот это.

Я закрыл бляху в кулаке.

Стена храма с той стороны, куда никто не смотрит, потому что все смотрят на главную лестницу. Дверь, к которой ходят с корзинами. Человек с пропуском, который открывает её изнутри и который однажды при Савеле вышел наружу.

— Покажешь откуда, — сказал я.

Савель посмотрел на тела и поджал губы.

— Внутри я не ходил, — сказал он сразу, чтобы не ждать, пока я спрошу. — Что там за дверью — не знаю. Я снаружи стоял, у стока.

— Покажешь, где стоял. Внутри сейчас не полезем.

Тела мы оттащили в сторону, за поворот, к стене выгоревшего дома, где проход расширился и где их не пришлось бы переступать каждому, кто выйдет из калитки.

Четвёртого несли мы со Степаном: он взял за ноги, я за плечи, и мы пронесли его двадцать шагов и положили у обгоревшей стены.

— Утром закопаем, — сказал Степан.

— Или их заберут.

— Или заберут.

Во дворе тревоги так и не подняли. Орден задвинул засов, посмотрел через щель, что снаружи чисто, и вернулся к своим бочкам. Двое его работников отнесли в мастерскую воду.

Лада не выходила вовсе — у неё на доске лежал человек с рынка, и он был ей интереснее, чем четыре гоблина.

Записку я оставил Денису.

— Убери куда-нибудь, — сказал я, кладя её на лавку рядом с ним. — Только не в общую кучу.

Он развернул, посмотрел на строки, потом на знак.

— Я это не прочитаю.

— Я тоже. Пусть лежит здесь. Со мной ей ходить незачем.

Он сунул полоску под доску, на которой держал инструмент, и придавил точильным камнем.

Бляху я убрал в карман. За крышами уже краснело, и разглядывать незнакомую дверь в сумерках я не собирался.

— На свету покажешь, — сказал я Савелю. — С утра.

Он сразу кивнул. Пока я умывался у бочки, Кира отнесла Ладе чистую полоску и вышла, разминая затёкшие пальцы. Я подвинул ей миску, которую оставил Орден. Она села рядом на ступень и ела молча; через несколько минут положила ложку поперёк пустой миски и привалилась ко мне плечом.

Ночью я проснулся, когда раненый попросил пить. Лада подала ему кружку, дождалась, пока проглотит, и велела всем лежать тихо. Больше я до рассвета не просыпался.

Наутро, в шестой день, Лада позволила раненому приподняться на локте. Кира подала ему кружку и не сразу отпустила. Он обхватил кружку обеими руками.

— Держу, — выговорил он.

Она разжала пальцы, посмотрела на меня и улыбнулась — коротко, одними губами. Потом забрала сумку. Мы донесли его не зря. Савель ждал нас у калитки.

Наверх мы пошли не к рынку, который остался ниже мастерской, а по верхней улице: короткий проход, потом влево и вверх, мимо пустого ряда сушильных рам, где когда-то развешивали то ли сети, то ли шкуры, а теперь торчали только столбы с перекладинами и обрывками верёвок.

Савель шёл первым.

Он шёл как человек, который знает эту улицу ногами. На повороте он привычно взял ближе к левой стороне — туда, где раньше стояла какая-то мастерская с широким порогом, — и вдруг остановился.

— Не туда, — сказал он и перешёл на правую сторону.

— Что?

Он показал подбородком.

У порога был свежий след. Не один — натоптано, и в грязи у водостока отпечатались подошва, и не одна. И дверь мастерской была прикрыта, но не заперта: на пробое висел не замок, а обрывок верёвки.

— Раньше тут пусто было, — сказал Савель. — Я тут ходил на неделе.

Мы обошли по другой стороне и дальше держались правой стены.

Кира шла между нами и всё время смотрела не вперёд, а вбок и вверх — на окна, на проломы, на крыши. Я ей этого не говорил. Она сама так стала ходить где-то на третий день.

Перед изгибом храмовой ограды Савель свернул к низкому каменному выступу — остатку не то стены, не то фундамента, торчащему из склона на высоту по грудь.

— Отсюда. — Савель провёл ладонью по камню и нашёл зарубку крест-накрест. — Моя. Здесь инструмент оставлял, под дерюгой. Чтобы вверх-вниз не таскать.

Я посмотрел на место под зарубкой.

Там не было ни дерюги, ни мусора. Там был чистый утоптаный пятак, а у самой стены — две вмятины в земле, круглые, глубокие, с наклоном.

— Лестницу ставили. — Я показал на них.

Савель присел, потрогал края и убрал руку.

— Свежие. Значит, ходят сюда.

— Кира, со мной. — Я присел за выступом. Савель хотел двинуться следом, но я показал ему на дорогу. — Останься тут. Если снизу пойдут — свистни.

Он устроился у камня, откуда видел поворот.

Из-за выступа было видно много.

Храмовая ограда шла по склону, и главная лестница поднималась в стороне, восточнее, широкая и открытая — та самая, по которой я вчера гнал Харена. Часовых там сейчас стояло двое, и они смотрели вниз, на дорогу от рынка.

А ниже и левее, там, куда никто из них не смотрел, стена спускалась к узкому наружному проходу. Он шёл вдоль неё под уклон и выводил к каменному стоку — тому самому, у которого Савель четыре дня сидел с забитым сливом.

И в стене, на уровне этого прохода, была дверь.

Небольшая. Одностворчатая. Рядом с ней, в полутора локтях справа и чуть выше — окно. Не окно даже, а прорезь в камне в две ладони шириной, забранная поперечным прутом.

Мы просидели за выступом долго.

Часовые на главной лестнице пару раз переступили с ноги на ногу, снизу, с моря, тянуло ветром. Потом дверь открылась.

Открылась она наружу — полотно пошло от стены на проход. Человек, вышедший из неё, был не гoblin, а местный, немолодой, в переднике, и нёс пустую корзину.

Он вышел, сделал два шага — и полотно за ним двинулось само. Ветер снизу, с моря, поймал его и потянул дальше, к стене, и дверь пошла открываться шире.

Мужик выругался, вернулся на полшага и придержал полотно коленом. Придержал, переставил корзину в другую руку и толкнул дверь на место.

Изнутри что-то стукнуло.

Кира тронула меня за рукав.

— Смотри на прорезь.

За поперечным прутом мелькнула рука человека, оставшегося внутри. Он потянул короткую рукоять вниз, и из двери донёсся скрежет: засов лёг в гнездо. Рукоять осталась видна в нижнем углу окна, всего в ладони от наружного края.

Я подался вперёд. Окно, похоже, для того и прорезали: глянул, кто пришёл, — и открыл, не спускаясь к двери. А снаружи к нему вели два выступа старой кладки. Узкие, высокие — но Кире хватило бы.

— Ты видела, куда он дотянулся? — спросил я.

— Вниз и влево. — Кира показала пальцем по воздуху, повторяя движение. — Вот так. Там что-то вроде ручки. Короткой.

— Достанешь?

Она посмотрела на прорезь, на стену под ней, и стала считать.

Я тоже посчитал.

От прохода до окна было высоко: с земли не дотянуться, надо лезть. Но под самой прорезью в кладке шёл выступ в полкирпича, а ниже, на два локтя — второй, шире. Камень старый, углы сбиты. Две ступеньки для того, у кого хватит ловкости.

Я тоже влезу, но в нишу с плечами и перчатками придётся втискиваться. Кира ниже и уже; она сможет прижаться к камню, не выставляя локоть из-за косяка.

— Достану, — сказала Кира.

— Иди посмотри. Руку в окно не суй. Дверь не трогай. Просто дойди и вернись.

— А если выйдут?

— Тогда назад по проходу и вниз. Отсюда я тебя увижу.

Она пошла.

Пошла понизу, вдоль самого основания стены, где тень лежала сплошной полосой и где её не было видно ни с лестницы, ни с ограды, и остановилась под окном. Я смотрел, как она трогает ногой нижний выступ — не наступая всем весом, а пробуя, держит ли, — потом поднимается на него, вытягивается и достаёт рукой до края прорези.

Достала.

Ниша между дверным косяком и выступом стены приняла её целиком: она встала туда боком, и снаружи осталось только плечо и локоть, а из-за распахнутой двери её не увидел бы и тот, кто вышел бы наружу с корзиной.

Кира постояла там, повернула голову, посмотрела вверх — проверяя, что оттуда её не видно, и спустилась.

Вернулась она тем же путём, и ни один камень под ней не поехал.

— Держит. — Кира села рядом за выступом и стряхнула песок с ладоней. — И ниша свободная. Откроют — полотно меня прикроет.

— А если он захлопнет, пока ты там?

— Он мне пальцы прижмёт, вот что. — Она посмотрела на свою руку. — Гром. Если ты вломишься на лестнице раньше, чем я дойду, они эту дверь запрут. Или захлопнут прямо мне на пальцах.

— Пока не увижу тебя на месте, к часовым не выйду. — Я показал на угол стены.

— Как ты увидишь?

— Оттуда. — Я показал на угол, откуда просматривалась узкая полоса прохода. — Ты покажешь руку.

Кира вытерла о штаны ладонь, которой держалась за камень, и показала мне её ещё раз.

— Тогда смотри внимательно. Дверь я тебе открою.

Глава 3

За оградой стукнуло дважды, и по верху прошли двое. С главной лестницы вниз спустился один из часовых, второй остался, и через некоторое время снизу поднялся третий и встал на освободившееся место.

Я отметил, что они меняются. Сколько между сменами — не отсчитывал: я видел это один раз, и один раз ничего не значит. Знать, что смена бывает, полезно. Рассчитывать, что она случится именно тогда, когда мне надо, — глупо.

Мы вернулись за Савелем и пошли вниз.

Во дворе Лев валял дурака.

Он взял свой щит — тот овальный, с царапиной у умбона, который мы вынесли со склада, — и попытлся с ним пройти между лавкой и стеной, там, где проход был в человека шириной. Проходил он боком, и вместе со щитом у него выходило плохо.

Я подошёл к навесу.

— Иди сюда. И топор бери.

Он пришёл. Топор у него был хороший, на длинной рукояти, и он к нему привык за те дни, что мы вместе лазили по складам.

Я поставил Степана в проход — щитом наружу, а Льва запустил следом.

— Ты за ним. Ему в спину дышишь. Оттесняешь.

Лев сунулся, замахнулся широко — и рукоять вошла в столб навеса. Топор дёрнулся у него в руках, столб отозвался гулко, и Степан, не оборачиваясь, сказал:

— Спасибо.

— Ещё раз, — сказал я.

Второй раз он замахнулся короче, но встал слишком близко и перекрыл Степану ногу: тот не смог отступить, потому что назад упирался во Льва.

— Так тоже нет, — сказал Степан.

На третий раз я взял Льва за плечи и развернул.

— Ты не машешь. Тыходишь. Сначала плечо, потом железо. Вот, — я подвинул его на полшага вбок и назад, — отсюда ты его не запираешь. Он отходит — ты за ним. Он встал — ты рядом. Топор держи низко и веди снизу.

Лев попробовал. С четвёртого раза они со Степаном одолели проход вдвоём: щит впереди, топор снизу сбоку, и никто никому не наступил на пятку.

— Понял, — сказал Лев. Лицо у него было довольное.

— Не понял. Сделал один раз. — Я хлопнул его по щиту. — Но это уже что-то.

Я оставил Степана в проходе, а Льва отвёл на шаг назад.

— Вот так и войдёте. Кира откроет створку, ты, — я хлопнул Степана по плечу, — займёшь нишу изнутри. Не дашь закрыть. Я поднимусь по главной лестнице: пусть охрана смотрит на меня.

Лев перехватил топор, проверяя, хватает ли места.

— Мне за ним?

— Да. Если из храма начнут выходить люди, показываешь сюда. — Я прошёл мимо его щита к калитке. — Кто пойдёт — помоги. Кто останется — не тащи силой.

— А если кто растеряется? — Лев проводил меня взглядом и отступил, освобождая дорогу Степану.

— Окликни. За плечо разверни к выходу. Только не увязни с одним посреди прохода.

Борис пришёл на стук топора.

Он появился из-за угла, посмотрел, как Степан со Львом ходят по проходу, и сразу сказал:

— Внутрь моих не дам.

— Я внутрь и не зову.

Он этого не ждал и на секунду сбился.

— А куда?

Я показал на верхнюю улицу.

— Наружный поворот. Оттуда, с рынка, снизу, идёт дорога. Если по ней поднимутся, они выйдут нам в спину, когда мы будем на лестнице.

Борис подошёл к калитке и посмотрел вниз, прикидывая видимый участок дороги.

— Сколько стоять?

— Пока мы оттуда не выйдем.

— А доля?

— За участок. Если участок удержишь — доля.

— А если по нему никто не пойдёт?

— Тогда ты получишь долю за пустую улицу. Мне так даже лучше.

Борис хмыкнул, и это было первое, что у него сегодня прозвучало почти по-человечески.

Он повернулся к Степану:

— А ты с ними, значит.

— Я с ними, — сказал Степан.

— И своё не потеряешь?

— Своё я уже получил. Оно вон там лежит. — Степан ткнул большим пальцем в сторону колодезной стены. — При всех.

Борис позвал своих к навесу — разбирать, кто завтра останется с ним снаружи.

Савель принёс верёвку.

Не обрывок и не тонкую завязку с Кириной сумки, а настоящую рабочую бухту в палец толщиной, ровно смотанную.

— Бери, — сказал он. — Не знаю, зачем тебе, но у вас там стена.

Верёвку взял Степан и повесил себе через плечо, под щит.

Денис перебрал мою сумку и вытащил лямку.

— Вот тут по шву пошло, — сказал он, показывая. — Сшита наспех, у таких всегда так. Подвяжешь — всё равно оборвётся.

— Меняй.

Денис срезал разошедшуюся лямку, приложил к ней приготовленную кожаную полосу и попросил оставить сумку до утра.

За полосами и маслом пришлось идти к одному из людей Ордена — тому самому, у которого Лада берёт ткань. Он выложил передо мной на лавку то, что было: свёрнутый запас чистых полос, короткий кожаный ремешок, моток фитиля и закрытый глиняный сосудик с маслом.

Я достал стопку чистых карт.

Их было шестнадцать — пять последних я поднял на рынке, остальные были с прежних боёв.

Я отдал две.

Он взял их не глядя, как берут привычную плату, сунул за пазуху и пододвинул ко мне своё.

— Кому нести? — спросила Кира.

— Тебе.

Она подставила сумку и уложила всё сама — полосы отдельно, масло вниз, фитиль в свёрток с полосами, чтобы не размотался.

Четырнадцать.

К вечеру двор затих.

Я сел под навесом и оттянул ворот куртки: за день под ремнями натёрло плечо. Лада на ходу глянула, не содрал ли я кожу, и отправилась к раненому — с ним работы хватало.

Кира села рядом и взялась за мой рукав: обшлаг был грязный, с присохшей чужой кровью.

— Дай сюда.

Она подтянула к себе мой рукав вместе с рукой, потёрла обшлаг между ладонями, поняла, что так не выйдет, и отпустила.

— Утром отмочу. Сейчас всё равно ни воды тёплой, ни толку.

Потом откинулась спиной к столбу навеса и вытянула ноги.

Двор шумел уже вполсилы. Кто-то мыл посуду у бочки, кто-то ругался из-за места у стены. Раненого с рынка унесли внутрь, и Лада, судя по голосу, до сих пор была им недовольна.

Я снял куртку и набросил ей на плечи.

Кира подтянула ворот к шее и спрятала ладони под полы. Сядься ближе, упёрлась бедром в моё бедро и осталась так, хотя на лавке хватало места. Я обнял её за плечи. Она повернулась, поймала мой взгляд и медленно устроилась удобнее, уже всем боком ко мне.

Мы посидели так.

Потом я достал маску.

Она лежала у меня в отдельном кармане, свёрнутая, — тонкая, зеленоватая, на ощупь как кожа, которую слишком долго держали в руках. Кира выпрямилась и протянула к ней руку, но на полпути передумала и вместо этого положила ладонь мне на щеку.

— Сначала этого покажи, — сказала она. — Перед тем как спрячешь.

Я повернул голову к её пальцам и поцеловал ладонь. Она не отняла руки. Большой палец скользнул по моей щеке к уголку рта, и я на секунду забыл о маске, которую держал.

Она усмехнулась, но руку не убрала.

— Я не благословляю.

— А я не спрашивал.

Я потянул её к себе. Кира подалась, положила голову мне на плечо и спрятала холодные пальцы в моей ладони. Я растёр их большим пальцем; она устроилась удобнее и потянула

куртку на нас обоих. С утра мы успели обойти храм и приготовить весь заход, а теперь впервые за день я перестал высматривать места, куда когда-нибудь шагну.

Когда я потянулся за маской, Кира придержала меня за ворот, подняла голову и сама коротко поцеловала. Отпустила не сразу.

— Теперь показывай.

Я развернул маску перед ней.

— Надену на подходе. За углом, где меня не видно снизу.

— А снимешь?

— За дверью. Когда закроемся. — Я посмотрел ей в глаза. — Сначала позову: «Дверь».

Ты — «На себя». Потом сниму.

Она провела пальцем по краю маски и отпустила её.

Я примерил её тут же, при ней, отойдя на два шага в тень.

Кожа легла на лицо и стянула его к скулам, стало жарко, и Кира, стоявшая передо мной, невольно отвела взгляд — не от страха, а оттого, что смотреть в чужое лицо, зная, что оно моё, оказалось неприятно.

— Дверь, — сказал я своим голосом.

— На себя. — Она посмотрела опять: в лицо, потом выше, туда, где стоит имя. — А над тобой опять «Безликий убийца №6». Как в первый раз.

— Значит, при чужих я Шестой. Степану со Львом скажу утром.

— Вот, — сказала она. — Так лучше.

Я снял маску, и она снова затвердела в руках, и я убрал её в отдельный карман, у самой руки, чтобы не путать ночью со свёрнутой тканью.

Последним я проверил кристалл.

Вынул, поднёс к лампе, вызвал описание.

Кристалл маны. 500/500.

Полный. Он лежал у меня с той ночи, как мы взяли склад, и я не потратил из него ни единицы — ни на тренировку, ни на то, чтобы покрасоваться перед Кирой во дворе.

Кира взглянула на камень и кивнула, и я завернул его обратно в мягкую тряпку и убрал во внутренний карман.

Потом мы поели то, что осталось от общего котла, с хлебом, и легли.

Кира устроилась на своём месте у стены, я на своём, рядом, и последнее, что я услышал перед сном, был голос Дениса. Он на полдвора объяснял кому-то, что с его коленом лестница — это не преграда, а личный враг.

Проснулся я от того, что Кира затягивала ремень.

Было ещё серо. В дальнем конце двора кто-то раздувал угли, и по стене ходили красноватые отсветы. Моя куртка висела на краю лавки: обшлаг Кира успела отскрести, пока я спал, и он был ещё сырой и светлее остальной ткани. Кира сидела рядом, продевала конец ремня в пряжку и смотрела на меня.

— Ну что, страшный, — сказала она. — Показывай дорогу.

Я сел и первым делом открыл своё.

Мана: 700/700.

Полная. После позавчерашней проверки меча Идентификацией запас уже восстановился без кристалла. Вчера на разведке магию я не тратил.

Дальше я проверил руки.

Перчатки лежали на лавке, под курткой. Я надел их и затянул ремни по кисти, как всегда, а потом ослабил и перевязал иначе: узел не в конец, а с запасом, чтобы свободный хвост оставался длинным и выходил из-под пряжки.

Позавчера на рынке я проделал это второпях, за каменной тумбой, когда на меня уже шли. Псевдоплоть не растягивает кожу и не подгоняет чужое железо под себя: она просто ста-

новится вторым слоем, и рука в ней толще. Если бы я затянул ремни намертво, я бы их не расстегнул и не надел перчатки поверх формы — а перчатки мне нужны именно поверх, потому что бьют они, а не серая оболочка.

Я проверил дважды: снял, ослабил, надел, затянул. Хвосты выходили свободно.

Потом перебрал карманы.

Правый нагрудный — карта ножа. Левый внутренний — карта Меча Порогов и кристалл, завернутый в тряпку. Отдельный карман у самой руки — маска. Четырнадцать чистых карт одной стопкой, перетянутой ремешком.

Лада вышла из мастерской, когда я перебирал карманы, и остановилась рядом, вытирая руки.

Я поднял голову:

— Ну?

— Не горит, — сказала она. — Ночью потел, под утро перестал. Пил сам.

— Значит, донесли.

— Значит, донесли. — Она сунула тряпку за пояс. — Полос у меня теперь на двоих. Если приведёшь третьего, будешь рвать свою рубаху.

— Я вчера две карты за них отдал.

— Вот и хорошо. Значит, понимаешь, во что это встаёт.

Она ушла обратно, и в дверях столкнулась с Кирой, которая несла воду, и обе разошлись боком, не сказав друг другу ни слова. Кира придержала ей дверь локтем и прошла с кружкой к раненому.

Денис доковылял ко мне с готовой лямкой.

— Держи. Дошил.

Он поставил готовую сумку на лавку. Я взялся за новую лямку и потянул. Держала.

— Ты сам-то куда? — спросил я.

Он посмотрел на своё колено с таким выражением, будто колено ему только что нахамило.

— Я никуда. Я буду сидеть тут и злиться. — Он хлопнул ладонью по сумке. — Вернётесь — покажешь, что ещё у тебя отвалилось.

— Пока только чувство меры.

— Оно у тебя первым и отвалилось.

Орден открывал калитку сам.

Он не спрашивал, куда мы идём. Он вообще с той минуты, как мы вернулись с рынка с ранеными и мешками, стал задавать меньше вопросов и больше смотреть.

— Вернётесь к полудню? — спросил он.

— Не знаю.

— Тогда до темноты держу на засове, — сказал он. — После темноты стучите как условились.

Лев вышел первым, придержав створку щитом, чтобы не задеть Киру. У порога он привычно перехватил топор у самого конца рукояти — и сам себя остановил. Посмотрел на проход, вспомнил вчерашний столб и передвинул руку выше, ближе к обуху.

Ничего не сказал. Просто передвинул.

Мы вышли, и калитка закрылась.

Улица поднималась медленно.

Сначала шли кучно, потом растянулись: я впереди, Кира слева и на полшага сзади, Лев за ней со щитом на ремне, Степан замыкающим, с верёвкой через плечо. Савель ковылял в середине и всё время трогал стену ладонью, будто проверял, не подменили ли её за ночь.

Никто не спрашивал, зачем мы идём, и мне это нравилось. Вчера пришлось бы объяснять — и Льву, и Степану, и, может быть, самому себе. Сегодня мы просто шли делать то, что решили вчера, и весь разговор сводился к тому, кто где встанет.

Один раз, на середине подъёма, Лев всё-таки не выдержал.

— А если он там не один такой? — спросил он через плечо у Степана. — Ну, в смысле, если у них там ещё двое таких, как тот, у которого палаш?

— Тогда Гром провозится дольше, — сказал Степан.

— А если пятеро?

— Тогда провозимся все.

Лев подумал над этим шагов двадцать и больше не спрашивал.

Я его понимал. Он позавчера впервые видел, как я выхожу из-за камня в чужой шкуре, и до сих пор не решил, что об этом думать. Мне в его годы тоже всё время казалось, что если посчитать заранее, станет легче.

Не становится. Считать надо то, что видишь.

Улица здесь шла между двумя глухими стенами, и утренний ветер тянул снизу, от воды, вместе с запахом гари и соли. Под ногами была старая колея, стёртая когда-то тележными колёсами до гладкого камня, и по ней было скользко.

— Не по колее, — сказал я вполголоса. — Сбоку.

Все перешли на край.

У сушильных рам Борис со своими отделился.

Он сразу поставил человека на верхнюю точку — туда, откуда было лучше всего видно главный вход в храм.

— Не туда, — сказал Степан.

Борис повернулся.

— Мне что, не видно?

— Тебе видно. И тебя видно. — Степан подошёл и показал рукой вдоль улицы. — Оттуда, снизу, от рынка, он как на ладони. Он у тебя первый и ляжет.

Борис посмотрел вдоль улицы сам. Прищурился. Потом перевёл взгляд туда, куда показывал Степан. В просвет между двумя рамами, где столбы стояли гуще, а человек, сидящий за ними, видел дорогу, но не был виден с неё.

— Пересядь, — сказал он своему.

Тот пересел.

Вот и всё, что осталось от спора про половину после рынка. Человек стоял там, где ему показал Степан, а Борис шёл дальше по своему участку и пересчитывал остальных.

Савеля я оставил у выступа.

— Обрати пойдёшь как вчера, — сказал я ему. — По правой стороне, мимо той мастерской не суйся.

— Я тут посижу.

— Сиди. Только не под самой оградой.

Он отошёл за камень, устроился и достал из-за пазухи кусок хлеба — припасённый, судя по всему, ещё с вечера как раз на такое сидение.

Кира шла рядом со мной последние двадцать шагов до укрытия.

На ходу она подняла мою левую руку, посмотрела на пряжку, тронула свободный хвост ремня и отпустила.

— Не затянул.

— Нарочно.

— А, — сказала она. — Хорошо.

Я в ответ поправил у неё на боку ножны кинжала — они висели чуть назад, и при рывке она достала бы его на движение позже. Она подождала, пока я закончу, и сама подвигала рукоятью, проверяя.

Маску я не надевал. Рано было: снизу шли люди, и им незачем было видеть то, что я собирался показать другим.

Из-за выступа было видно, как всегда, много.

Двое часовых на верхней площадке главной лестницы. Пустая нижняя половина. Дверь внизу слева, узкий проход, прорезь с прутом.

И по дороге от рынка поднимались люди.

Их вёл Харен.

Я узнал его сразу. Сегодня меча при нём не было. Был чистый ворот, аккуратно подстриженная борода и та манера идти впереди чужой группы, при которой человек ни разу не оглядывается, потому что уверен: сзади всё в порядке.

За ним шли шестеро.

Взрослые. Двое из них — с рынка: одного я точно видел позавчера у навесов, он тогда оттаскивал свой ящик с прохода. Один нёс за спиной собственный мешок. Другой держал женщину под локоть, и она шла с ним, а не от него.

Это были не пленники. Ни верёвок, ни цепей; охранник шёл сбоку, пока не вмешиваясь.

Двое шли впереди почти вровень с Хареном и о чём-то его спрашивали, и он отвечал на ходу, не поворачивая головы. Один смеялся.

Я смотрел на них и понимал, зачем они идут.

Им предложили то же самое, что позавчера предложили мне. Силу — за то, чтобы сказать «да». Разница была только в том, что мне предлагали за мой же меч, а им — просто так, авансом. Потому, что их выкинуло в город, где каждый второй встречный сильнее них, и им нужно было хоть что-нибудь, сегодня, а не через неделю.

Я не мог сказать, что они дураки. Я стоял тут с полным резервом маны, с мастерством в кулаках и с чужим божественным клинком в кармане — и отказался. Они стояли с пустыми руками.

— Это те, о ком ты говорил? — шепнула Кира.

— Это те, кого ведут посвящаться.

— Они сами идут.

— Пока сами.

У первой ступени последний из шестерых отстал.

Он не побежал и не стал спорить. Он просто остановился, посмотрел вверх, на храмовую дверь, и не пошёл дальше. Так останавливаются те, кто до этой минуты шёл сам, — и вдруг увидел, куда именно пришёл.

Харен обернулся. Показал рукой на дверь и сказал что-то короткое.

Человек не двинулся.

Тогда охранник, шедший сбоку, шагнул к нему и ткнул древком между лопаток.

Не ударил. Толкнул — коротко, деловито, как толкают скотину, которая встала в проходе.

Человек качнулся вперёд и пошёл.

Я смотрел на это и понимал: ждать, как собирались, уже нельзя.

Если ждать, как собирались, — эти шестеро войдут внутрь. И тогда они окажутся между мной и теми, кого мне придётся бить, и между Кирой и дверью, которую ей надо держать. Внутри, в чужом помещении, где я не знаю ни стен, ни проходов.

Я повернулся ко Льву:

— Видишь их?

— Вижу.

— Вот они. Когда дверь откроется и охрана повернётся туда — покажи им выход.

Он кивнул и уже двинулся было, но я придержал его за край щита.

— Покажи. Не тащи. — Я подождал, пока он посмотрит на меня. — Вон тот, которого древком пихнули, он пойдёт. А который с женщиной под руку — может и не пойти, потому что он сюда шёл за наградой. Не хватай его.

— А если он потом...

— Потом — его дело.

Лев поджал губы, но согласился. Он отступил за щит Степана, освобождая Кире путь понизу.

Харен и его шестеро поднялись до половины лестницы.

Я посмотрел на Киру.

— Пора.

Она только поправила куртку на плечах, проверила ладонью, где кинжал, и пошла вниз, вдоль стены, тем же путём, что вчера.

Степан двинулся за ней, отставая на десять шагов.

Я смотрел, как она идёт.

Она шла ровно и не оглядывалась — по низу, вдоль основания ограда, в сплошной полосе тени. Кира ни разу не подняла голову, чтобы проверить, смотрят ли на неё с верхней площадки. Это было правильно. Поднятое лицо видно издали, а тёмная согнутая спина у стены — нет.

У прохода она задержалась. Посмотрела на дверь — закрыта. Прошла дальше, к тому месту, где вчера пробовала камень ногой.

Поставила ногу на нижний выступ. Он держал.

Поднялась.

И встала в нишу между косяком и выступом стены — боком, вжавшись так, что снаружи осталось одно её плечо.

Засов она не тронула.

Мы это вчера проговорили дважды: открывать надо тогда, когда Степан уже готов войти, иначе тот, кто изнутри, просто задвинет всё обратно, а Кира останется на камне с зажатой рукой и с распахнутой на неё дверью.

Степан подошёл по низу и встал под стеной, в трёх шагах от её выступа, плечом к камню. Щит он держал перед собой, но не поднимал: поднятый круг железа видно дальше, чем человека.

Кира подняла свободную ладонь.

Я увидел её — плечо и белую кисть в тени у стены, и то, как ладонь один раз повернулась.

Дошла.

Я отошёл за угол, туда, где меня не было видно ни снизу, ни с лестницы, и вынул маску.

Она легла уже знакомо и сразу стянула лицо. Стало жарко и тесно, звуки сделались чуть глуше, будто уши закрыли ладонями. Я сжал и разжал кулаки, проверяя ремни. Ремни держали, хвосты свободно свисали из-под пряжек.

Форму я не включал. До первого врага было ещё двадцать шагов открытого камня, а пятьсот единиц маны — слишком дорогая вещь, чтобы жечь их ради того, чтобы страшнее выглядеть на подходе. Кулак я тоже не зажигал. Пусть пока видят только человека. Пятьсот я потрачу, когда им уже будет некуда смотреть, кроме как на меня.

Лев за моей спиной перехватил топор.

— Готов. — Он дождался моего кивка и спустился по проходу за Степаном.

Я в последний раз прошёл всё по порядку, как проходил перед каждым выходом на бой ещё там, на Земле, когда за брезентом гудели и Руслан в сотый раз повторял мне, кого сегодня надо положить.

Ноги. Стоят. Сапоги не скользят.

Руки. Перчатки на месте, ремни с запасом.

Карманы. Нож справа. Меч и кристалл слева, под клапаном. Четырнадцать карт.
Мана. Семьсот.

Люди.

Степан внизу стоял у стены и ждал — плечом к камню, щит опущен, лицо повёрнуто к двери.

Лев был за ним, в десяти шагах, и смотрел не на дверь, а на лестницу, где шестеро поднимались за Хареном.

Борис сидел со своими у сушильных рам, в просвете между столбами, и держал дорогу снизу.

Савель грыз свой хлеб за выступом и не лез никуда.

Кира была на своём камне, вжавшись в нишу, и её рука лежала в двух ладонях от засова.

Все заняли вчерашние места. Теперь ждали моего выхода.

Я вышел из-за угла и пошёл вверх, к главной лестнице.

Шёл не быстро. Мне не нужно было подкрадываться — мне нужно было, чтобы меня увидели, и увидели раньше, чем кто-нибудь наверху посмотрит вниз и влево.

Камень под подошвами был холодный. Ветер тянул снизу и упирался в спину.

На восьмом шаге один из часовых начал поворачивать голову.

Глава 4

Часовой повернул голову и уставился на маску. Я сделал девятый шаг, не ускоряясь. Пусть смотрит на меня.

Слева за оградой скрипнуло железо. Кира потянула рукоять через служебное окно. Я не оборачивался: её ладонь уже видел, Степан стоял у створки, дальше им нужно было несколько секунд без чужих глаз.

— Стой! — Часовой опустил древко поперёк верхней ступени.

Я шёл к нему и на ходу разбирал двор. Четыре тяжёлые колонны слева держали крытую галерею; у первой лежал обломок капители, по пояс высотой. Справа над каменной оградой выступали две стрелковые площадки. На ближней гоблин поворачивал лук вслед за мной. Двор оставался в тени, зато на оружии у ограды уже блестело утреннее солнце.

Боковая створка в дальнем левом углу пошла наружу. Кира отступила за полотно, Степан протиснулся со щитом и занял нишу у косяка. Я увидел белое плечо в щели. Успели.

Посреди двора, ближе к внутренней арке, стояли люди.

Шестеро взрослых, все земные, все в той же серо-бурой ткани, что и я в первый день. Пришли они по двое, кучно, как ходят те, кому уже сказали, где стоять. Один держался за лямку собственного мешка так, будто без мешка сейчас упадёт. Второй, ближний ко мне, только что оглянулся через плечо — на охранника с древком, который шёл за ними.

Их я видел только что на подходе, когда они поднимались вслед за Хареном.

Никаких цепей на них не было и сейчас. Двое из шести, судя по лицам, вообще пришли сюда сами и ещё не поняли, что с ними происходит что-то плохое.

И среди них стоял Харен.

Сейчас он стоял вполоборота и объяснял что-то стрелку на правой площадке. Один из шестёрки шагнул к лестнице. Харен, даже не прервав разговора, ухватил его за ухо и вернул на место. Человек согнулся, подстраиваясь под вывернутую голову. Харен отпустил только тогда, когда тот встал обратно в ряд.

Я поднялся на первую ступень и достал карту:

— За этим звал?

Голос под маской шёл глуше, но во дворе было тихо, и он дошёл. Люди повернулись первыми — они всегда поворачиваются первыми. Потом повернулся охранник с древком. Потом Харен.

Он посмотрел не на меня. Он посмотрел на то, что я держал.

На таком расстоянии рисунок он бы не разобрал. Я вызвал клинок из карты и поднял поперёк груди: позолоченная гарда, выломанный зубец, знакомая Харену длина и изгиб. Подержал один вдох и убрал обратно. Он видел этот меч в своих руках позавчера. Теперь узнал в моих.

Лицо у него не дрогнуло и не вытянулось. Оно просто перестало быть занятым разговором со стрелком.

— Закрывать боковую! — сказал он.

Он не заорал. Сказал ровно и быстро — как человек, привыкший, что его слышат с первого раза, и уже понявший, что дверь сейчас важнее меня.

Я убрал карту в карман и застегнул клапан.

Послушник — молодой, без оружия, в тёмной рубахе до колена, побежал через двор к левому углу. Он бежал хорошо, налегке, и добежал бы шагов за восемь.

На шестом он налетел на щит.

Степан вышел в проём ровно настолько, чтобы занять его плечом и краем щита, и стоял, упёршись в косяк. Послушник ударился в железную оковку, отлетел на задницу и сел. Он посмотрел на щит снизу вверх — довольно долго, секунды две, и попятился на руках.

Харен обернулся на этот звук. И вот теперь я увидел, как у него изменилось лицо. Не от страха, а от того особого раздражения, которое бывает у человека, когда он в третий раз тянет на себя дверь, а её держат снаружи.

— Там тоже заперто, — сказал я и пошёл вверх по лестнице.

Двенадцать шагов у меня было. На девятом они начали сходиться.

Их было шестнадцать: двенадцать обычных гоблинов и четверо тех, что покрупнее, в наручах и со щитами, — этих я про себя сразу отделил, потому что они двигались по-другому.

Шесть копий пошли на меня прямо, растягиваясь в линию поперёк верха лестницы. Четверо с короткими тесаками держались за ними. Двое стрелков остались на правых площадках, и один уже опустил лук, выбирая, куда стрелять — в меня или вниз, по людям.

А четвёрка в наручах не пошла вперёд вообще. Они сдвинулись вправо, к ограде, и встали так, чтобы, когда я поднимусь на ровное, у меня за правым плечом были они, а перед лицом — шесть наконечников.

Это было умно. Так и нужно было делать.

Я не пошёл на ровное.

Вместо последней ступени я шагнул влево, к первой колонне, и оказался за обломком капители.

Три ближних копыя ткнули туда, где я только что был. Одно зацепило край камня и соскользнуло. Второе прошло поверху.

Третье легло на плиту рядом с обломком, и я наступил на древко.

Гоблин дёрнул к себе — я стоял на копьё всем весом, и дёрнул он себя. Его развернуло, он подставил плечо, и я вышел из-за камня и ударил.

Накладка перчатки вошла ему под ухо. Кость там тонкая. Он пошёл вбок, не успев выпустить своё копьё, и я, уже не глядя, вбил в висок другую.

Он ещё секунду стоял, потом сложился.

Я получил двенадцать очков, и строка была короткая, привычная — я её почти не читал. Я слушал, что делается справа.

Справа четвёрка не двинулась.

— Держи край! — крикнул кто-то из них своим.

Я нырнул обратно за камень, потому что второе копьё уже шло.

За колоннами, слева, Лев поднял руку и махнул людям:

— Сюда! Вниз, по левой!

Он не стал объяснять им, кто он и зачем. Он показал направление и встал так, чтобы им было видно его топор.

Люди сначала не двинулись. Это всегда так: те, кого построили, не расходятся от одного слова. Потом тот, который держался за лямку, отпустил её и пошёл. И тогда пошли остальные.

Охранник с древком развернулся им в спину, и Лев шагнул навстречу — не рубя, просто занимая проход телом и железом. Охранник остановился. Шестеро прошли за колоннами и ссыпались вниз по левому краю лестницы; один по дороге потерял сапог и не стал возвращаться.

За капиталью мне дали три вдоха.

Я их потратил.

Первое: снял перчатки.

Это неудобно делать быстро, и я это делал не быстро — я расстегнул обе застёжки, стянул одну, потом вторую, и положил обе на выступ камня, накладками вверх, чтобы потом сразу взять правильно.

Второе: форма.

Пятьсот маны ушло разом, будто из бочки выбило пробку. Сначала холод по рукам, от кистей к плечам, потом по спине, потом всё вместе — и я стал больше.

Не выше. Шире и толще: поверх меня легла своя кожа, серо-стальная, гладкая, чуть жёстче на суставах. Через неё я чувствовал плиту под ногой, чувствовал камень боком — но чувствовал, как через плотную одежду.

Третье: перчатки обратно.

Ремни я вчера распустил до конца, и теперь они сели поверх новых кистей почти в упор. Свободные концы остались короткими, на палец. Я перехватил правую, потянул, проверил, что накладки не съезжают по костяшкам, и сжал кулак.

Держало.

Через двор, из щели у боковой двери, на меня смотрела Кира.

Отсюда она видела только мою спину и плечо, выходящее из-за колонны, — и это плечо стало другим. Она видела форму позавчера на рынке, и я знал, что она всё равно ищет глазами не плечо, а руку.

Я поднял левую и коротко, дважды, повёл ладонью вниз.

Держать проход.

Она убрала лицо от щели.

Копьё ударило в камень у моего бедра, и я вышел из-за капители.

В форме всё делается иначе — не быстрее, а с другим запасом. Первый из четвёрки в наручах встретил меня как надо: коротким шагом, накрывшись щитом, с ударом сверху вниз по наружному плечу.

Он попал.

По оболочке прошла борозда — я услышал этот звук изнутри, будто лезвием провели по толстой коже. Плечо дёрнуло. Но рука осталась рукой, и я вошёл под неё, как вошёл бы и без формы, — только теперь мне не нужно было гадать, что будет, если он всё-таки достанет.

Я вбил перчатку ему в бок, под нижнее ребро, и, когда его сложило, добил в затылок.

Он весил немало, но это был уже вес мешка, а не противника.

Второй заходил справа и держал щит слишком высоко. Я взял его за верхний край и потянул через себя — не поднял его в воздух, я его развернул. Он шагнул, чтобы не упасть, — и встал ровно перед своими: двое с копьями оказались у него за спиной, и он им эти копья закрыл.

Пока он выпрямлялся, я выбил ему колено ногой и закончил перчаткой.

Третий оказался лучше первых двух. Он не полез на меня фронтом. Он дождался, пока я освобожусь, и коротко ткнул под бок — не размахом, а тычком, как тычут те, кто дерётся не первый год.

Я закрыл линию локтем.

Лезвие прошло по оболочке предплечья и содрало полосу. Я почувствовал, как слой в этом месте стал тоньше, и запомнил: в это место ещё раз получать нельзя.

Он отдернул руку для второго тычка, и на этом движении подбородок у него оказался открыт.

Я бил перчатку под челюсть. Он рухнул на спину, ещё цепляясь за рукоять; второй удар в висок разжал пальцы.

— Наверх! Наверх его! — крикнул четвёртый и не пошёл.

С галереи, слева, раздался железный стук.

— Шестой!

Степан стоял в щели, и щит у него ходил ходуном: двое с тесаками, те самые, которых командир отправил в обход по галерее, добрались до боковой двери и били по щиту с двух сторон. Он не кричал, чтобы его спасали. Он крикнул, чтобы я знал, где они.

Я развернулся и пошёл вдоль колонн.

В галерее под сводом было тесно. Тесно — это ко мне: там, где нельзя развернуть тесак на полную, короткая дистанция моя.

Первый услышал шаги и повернулся. Я поймал его руку у запястья и ударил в лицо — раз, второй раз уже мимо лица, в шею, потому что первый удар развернул ему голову.

Второй успел ударить. По правому предплечью. В то же место.

Оболочка в этом месте разошлась, и я почувствовал под ней кожу — свою, живую, с давлением железа на ней. Не порез. Давление.

Я не стал разбираться, что там осталось. Я сделал шаг вперёд, внутрь его замаха, поймал его плечом в грудь и от стены галереи добил перчаткой сверху.

Степан отнял щит от косяка.

— Целы, — сказал он мне, не спрашивая, а докладывая. Потом заглянул в щель. — Она на месте.

Из двора донёсся крик четвёртого — того, что остался в наручах, и топот.

Я вышел из галереи между второй и третьей колоннами.

Двор к этому времени изменился. Пятеро с копьями, которые вначале растягивались поперёк верха лестницы, теперь стояли не поперёк, а вдоль. Они сместились к внутренней арке, туда, куда только что ушёл Харен, и держали древки не на меня, а поперёк собственного отхода. Двое с тесаками стояли ближе ко мне и ещё не решились.

Пока они смотрели на меня, я посчитал: пять, два, четвёртый в наручах у ограды, двое наверху с луками.

Один из пятерых крикнул что-то — не мне, своим.

И трое побежали.

Не все сразу и не в одну сторону: двое бросили копья на плиты и рванули к арке налегке, третий побежал со своим, держа его наперевес, и потому бежал медленнее.

Третьего я взял.

Он был между мной и аркой, и он оглянулся на бегу — то самое движение, которое стоит бегущему полшага. Я догнал его на этих полшагах, поймал за древко сзади, у самых его кистей, и дернул на себя.

Он сел.

Я ударил его сверху вниз, в затылок, и пошёл дальше, не глядя, как он валится.

Двое, что бросили копья, бежали налегке и были уже у самой арки.

Я пошёл за ними.

Бегать в оболочке тяжелее, чем без неё, но и шаг в ней длиннее, и в этих пятнадцати шагах я их достал — не обоих сразу, а по очереди, потому что в проём они полезли вдвоём и там столкнулись плечами.

Первого я взял за ворот и выдернул назад, во двор, на свет. Он развернулся уже в воздухе и попробовал закрыться локтем. Я ударил поверх локтя.

Второй в это время протиснулся внутрь и сделал по коридору ещё три шага.

Я вошёл за ним.

В арке было темно после двора, и я остановился на этих трёх шагах — не из-за него: его я достал сразу, поймал за плечо, вбил лицом в стену и добил перчаткой в затылок.

Я остановился из-за того, что слышал впереди.

Далеко в коридоре, шагах в тридцати, в темноте кто-то был. Не один. Железо там не лязгало и не бежало — оно стояло ровно и чуть позвякивало в такт чужому дыханию.

Я отступил во двор.

Двое последних копейщиков не побежали.

Эти были из тех, кто на сборе стоит в середине и делает всё правильно. Они начали отходить спиной вперёд, оба, держа наконечники на меня и сохраняя между собой шаг.

Отступать спиной по чужому двору, где только что положили десяток, — плохое занятие.

Левый наступил пяткой на руку мёртвого в наручах, качнулся и на секунду опустил остриё.

Я вошёл в этот разрыв.

Правый ткнул, как и должен был, но я уже проходил вдоль его древка — не отбивая, а по внешней стороне, и вбил перчатку левому под челюсть, снизу.

Его развернуло на напарника.

Правый попятился, вынужденно вынимая своё копьё из-под падающего, и вот тут я взял его за древко у наконечника и потянул. Он держал крепко. На этом я его и подтащил к себе — на полтора шага, ровно столько, сколько нужно, и закончил в висок.

Оставались двое с тесакими.

Они стояли у второй колонны, заслоняя дорогу к правой оgrade. Пока я разбирался с копьями, оба смещались следом, но войти одновременно со своими не решались.

Первый пошёл на меня сам.

Он шёл хорошо — коротким шагом, с тесаком у бедра, и ударил снизу в живот, под нижний край оболочки.

Он почти попал.

Я убрал бедро и принял лезвие на наружную сторону предплечья, на целое место. Железо соскользнуло. Я перехватил его руку выше локтя, развернул к себе спиной и ударил в основание черепа.

Он умер у меня в захвате, и я его выпустил.

Второй не пошёл.

Он отбросил тесак и побежал к правой оgrade — не к арке, а туда, где под площадкой стрелка можно было пролезть в узкую щель между оградой и стеной.

Он до неё добежал и в неё полез.

Я взял его за щиколотку и вытащил обратно.

Вышло некрасиво и недолго. Он попробовал брыкаться, попал мне по оболочке пяткой, и я, не давая ему перевернуться, придавил коленом и ударил перчаткой в основание черепа. Он обмяк, лицо уткнулось в плиту.

Последним оставался четвёртый в наручах. Он дождался, пока я выпрямлюсь над тем, кого вытащил из щели у ограды, и ударил в спину — грамотно, без крика.

Я слышал шаг.

Развернулся не на удар, а от удара: сместился влево, и его железо прошло по касательной вдоль оболочки на спине, сняв ещё одну полосу. Потом я взял его за наруч, потянул на себя и ударил в горло.

Он был тяжелее всех. Он даже успел схватиться за мою руку — обеими, как тонущий.

Второй удар я нанёс, когда он ещё держал.

Стрелки сошли с площадок.

Они правильно сообразили, что сверху уже нечего делать: двор был пуст, я стоял посередине, а до внутренней арки им было бежать по открытому. Один пошёл по ограде вниз, второй — прямо через плиты.

Второму Лев попал в ногу.

Он не убил его. Он подобрал с нижней ступени чьё-то брошенное копье и швырнул от бедра, неловко, плашмя, и попал древком по голени. Гоблин споткнулся, сел и стал подниматься.

— Твой! — крикнул Лев.

Я дошёл до него в четыре шага, сбил выставленный лук и ударил перчаткой в голову.

Первого взял у самой ограды, когда он перекидывал ногу. Стащил за пояс обратно и добил на плитах, не отрывая перчатки, пока не пришла строка ОС.

Система свела весь двор в одну сводку, и её я наконец прочитал.

Внимание! Получено 384 Очка Системы.

Внимание! Вы достигли двенадцатого уровня!

Внимание! Вы достигли тринадцатого уровня!

Уровень: 13 (43/260 Очков Системы).

Получено 4 свободных очка параметров.

Во дворе стало слышно, как дышат. Я — под маской, громко. Степан — в щели у двери. Лев — внизу, у колонн, где он опустил руки и стоял, глядя на мощёный двор, усеянный теми, кто пять минут назад собирался прижать меня к ограде.

Кира открыла створку шире.

— Идёт! — сказала она.

Харен, проскользнув обратно из арки вдоль дальней стены, рванул к боковой двери.

Он выбрал правильно и поздно. Правильно — потому что во внутреннюю арку я мог за ним пойти, а через служебный ход, мимо Киры, вниз, к рынку, я бы его уже не догнал. Поздно — потому что я успел развернуться, а он был всё ещё в двадцати шагах от двери.

И потому что дверь была не его.

Он добежал. Он был не медленный человек, этот Харен, и он вцепился в открытый край створки правой рукой, чтобы рвануть её на себя и протиснуться.

Кира потянула створку на закрытие.

Она не пыталась захлопнуть её ему по пальцам, она вообще не делала ничего красивого — она просто повисла на своей стороне всем весом и потащила полотно к косяку.

Рукав ушёл в щель и там остался.

Харен дёрнул. Створка была тяжёлая, и Кира держала её не руками, а телом, упираясь пяткой в порог. Он дёрнул второй раз, зацепившись плечом за косяк, и ткань поехала по шву.

— Пусти! — сказал он ей.

И это было, наверное, самое глупое, что он мог сказать.

Он рванул в третий раз. Рукав лопнул. Харен вывалился назад, во двор, с голым предплечьем до локтя и с полосой тёмной ткани, оставшейся зажатой в щели между створкой и косяком.

На этой полосе, у самого края, блестел кусок его храмового знака.

Он не стал ничего подбирать. Он развернулся, увидел, что от меня его отделяют пятнадцать шагов пустого двора, и побежал к внутренней арке.

— Там тоже дверь закроешь? — крикнул я ему вслед.

Он не ответил. Он бежал так, как бегают мужчины под сорок, которые давно не бегали: локти прижаты, голова вперёд, и всё равно быстро.

Внизу, у колонн, Лев засмеялся — коротко, на выдохе, потому что дышать ему было ещё нечем.

Кира высунулась в щель и посмотрела на меня через весь двор. Отсюда я не видел её лица, только пятно и волосы.

— Цел? — спросила она.

— Цел.

Я подошёл к створке и вытащил из щели зажатую ленту. Ткань была плотная, добротная, знак на ней держался на двух нитках. Я сунул её в карман, к пустышкам. На что сгодится кусок чужого знака, разберусь потом.

Степан отступил, освобождая мне проход, и снова занял нишу.

— Наружная лестница? — спросил он.

— Стой здесь. Не пускай никого ни туда, ни оттуда.

Я повернулся к внутренней арке.

Она была шагах в двадцати: высокий проём, за ним темнее, чем во дворе, потому что там начинался коридор между колоннами. Харен уже нырнул туда и там, внутри, что-то кому-то сказал.

Ему ответили.

Оттуда, из темноты под сводом, донёсся звук, который я услышал ещё до того, как увидел их: короткое звяканье железа о железо, в один такт.

Восемь раз.

Из арки вышли восемь хобгоблинов.

Они были не выше тех, кого я только что разложил по двору, и щиты у них были меньше, и оружие короче. Но шли они одинаково — парами, плечо к плечу, и первый, выходя, сдвинул с дороги пробежавшего мимо Харена, даже не посмотрев, кого сдвигает.

Потом он встал поперёк прохода.

Глава 5

— Не наступай на карту, — сказал я Льву.

Он стоял в трёх шагах от меня, у колонны, и под подошвой у него блестела металлическая пластинка. Он отдернул ногу, посмотрел вниз и присел.

Восьмёрка в арке не двигалась.

Это было самое неприятное в них — не то, как они вышли, а то, что, выйдя, они остановились и стали ждать, пока я подойду. Никто из них не сделал лишнего шага, чтобы первым воткнуть в меня железо. Они перекрыли проём и стояли.

Мне это было на руку: пока они стоят, люди успеют уйти.

— Степан на месте? — спросил Лев, поднимаясь с картой.

— На месте.

За моей спиной Степан упирал край щита в правый косяк боковой двери, а Кира отступила за полотно, придерживая его изнутри. Через открытую створку тянуло холодным воздухом нижнего прохода.

Люди уходили.

Шестеро, которых Лев погнал по левой стороне, спустились до поворота и там сбились в кучу — их видно было с верхних ступеней, шесть спин и одна босая нога. Потом от них отделился один и пошёл обратно вверх.

Он дошёл до меня и схватил за запястье.

— Спасибо, — сказал он. — Слушай, спасибо, я думал...

У него были влажные пальцы, и он держал крепко. Он сжимал мою перчатку — не мою руку, а перчатку, накладку над костяшками, на которой было мокро и красно, и, судя по всему, понял это только сейчас.

Он разжал пальцы.

— Там вниз, — сказал я и повернул его за плечо к лестнице. — Иди.

— Я не про сегодня даже, — сказал он, не двигаясь. — Мне вчера сказали, что, если я не пойду, меня всё равно приведут. Я и пошёл. А вон Тошка вообще сам...

— Иди, — повторил я. — Внизу у поворота люди с палками, они свои. Скажешь, от Шестого.

Он пошёл.

Лев подхватил его под локоть и повёл. Через десяток шагов он вернулся один.

— Ушли, — сказал он. — Борис их у поворота примет. — Он глянул на двор, на разбросанные древки, на четверых в наручах, лежавших в разных его концах. — Слушай. Их же шестнадцать было.

— Было.

— Я считал, — сказал он. Он не хвастался за меня и не восхищался; он именно считал, стоя внизу у колонны, пока держал проход людям, и теперь ему надо было куда-то деть это число. — Я в свой первый день от двоих на стену лез. От двоих, Шестой.

— Карты, — сказал я.

Он моргнул, полез в карман и вытащил три пустышки, отдал мне разом, стопкой. Я убрал их к своим, в тот карман, где их было четырнадцать, и застегнул клапан.

Теперь семнадцать.

Двор был мой. Люди ушли, дверь держала Кира, и шестнадцать противников лежали там, где рассчитывали положить меня. Я вытер перчатки о сорванный с копейщика плащ и пошёл к арке.

Я стоял за каменным косяком арки, сбоку, там, где меня не доставало ни одно из восьми коротких лезвий, и позволил себе десять секунд.

Четыре свободных очка висели у меня в углу зрения с того момента, как я закончил стрелка у ограды. Всё время, пока Лев уводил людей, а я собирал карты, я их не трогал: очки не прибавляют силы, пока ты не остановишься и не положишь их куда следует, а останавливаться посреди двора я не собирался.

Сейчас за мной никого не было, передо мной был камень, а восьмёрка стояла и ждала.

Три очка я положил в силу. По одному, пережидая короткую ломоту, чувствуя, как становлюсь с каждым разом немного больше. Желудок взвыл от голода; я пообещал ему еды. Потом.

Двенадцать стало пятнадцать. Потолок я выкупил ещё в тот вечер, когда мы вернулись со склада, за сотню очков, сидя у стены в мастерской, и с тех пор всё, что в него шло, шло по одному. Второй диапазон Силы кончался на пятнадцати — сейчас он заполнился до края разом.

Это не то, что чувствуешь мышцами. Мышцы у меня были те же самые. Но когда я сжал перчатку, кулак сжался не так, как он сжимался минуту назад, — плотнее, до конца, будто в ладонь наконец влезло то, что раньше не влезало.

Четвёртое очко я положил в мудрость.

Семь стало восемь. Потолок резерва поднялся, и на этом всё: в самом резерве от этого не прибавилось ни капли. Двести маны, как было.

Двести. На кулак хватит, но каждый усиленный удар отнимет ещё ману. Форму заново мне на это не поднять: создание стоит пятьсот. Значит, пока придётся обходиться той оболочкой, что на мне.

Я оглядел себя.

Борозда на левом плече — от первого в наручах. Полоса на правом предплечье — от третьего. Ещё одна на спине, которую я не видел, но чувствовал по тому, как холодит. И сквозная дыра на правом предплечье, где второй тесачник в галерее продавил слой до кожи.

Пока держало.

От боковой двери меня позвали.

— Шестой!

Кира не высывалась дальше косяка. Она стояла в проёме, придерживая полотно, и голос у неё через двор шёл тонко.

— Стой где стоишь, — сказал я.

— Сколько их?

— Восемь. Степан у тебя?

— Тут.

— Пусть придёт, когда я войду в арку. Дверь не бросай.

Она не ответила «хорошо» и не стала спрашивать, зачем. Она втянулась обратно за створку, и через секунду в щели показалась оковка щита: Степан занял её место сам, не дожидаясь, пока я объясню дважды.

Я выглянул из-за косяка.

Они всё ещё стояли — и один, крайний справа, поймал мой взгляд и не отвёл своего.

— Ну, — сказал я и вышел в арку.

Они меня впустили.

Вот это надо было понять сразу, а я понял на третьем шаге. Они не сомкнулись, когда я вошёл в проём. Они дали мне пройти арку и выйти в узкий двор за ней. И только тогда начали сходиться — четырьмя парами, полукругом, со всех сторон.

Двор был вытянутый, шагов тридцать в длину и десять в ширину, с колоннами по обеим сторонам. Посередине лежал низкий каменный бортик с песком — в таком гасят светильники, высотой мне до середины голени. В дальнем торце были три ступени и дверь.

Харен стоял на верхней ступени и смотрел, как я вхожу.

— Он один, — сказал он вниз, тем, кто расходился по двору. — У него нет ни лука, ни копья. Не подпускайте.

Это был правильный совет, и они его не слушали — не потому, что не уважали, а потому, что им его уже дали до него и лучше.

Они разошлись четырьмя парами: две пары вперёд, по обеим сторонам песочного бортика, одна — правее, вдоль колонн, и последняя осталась на полпути к ступеням.

Я посмотрел, как они встают, и мне это не понравилось.

Восемь бойцов, которые бросаются на одного, — это восемь, которые мешают друг другу. Восемь, которые встают по двое, — это четыре маленьких боя, и во всех четырёх против двух моих рук будет четыре чужих.

— По очереди его, по очереди! — крикнул Харен.

Никто не ответил ему и на это.

У того, кто вёл вторую пару, на правом боку висела узкая кожаная сумка, и клапан у неё был отстёгнут.

Он тронул её на ходу — быстро, двумя пальцами, как трогают то, что должно быть на месте.

Из-под клапана при этом движении выглянуло белое.

Я знал, как это выглядит. У меня такое лежало во внутреннем кармане с той ночи, когда я провернул латунный ключ в ларце на складе Резчика. Ждало, завернутое в тряпку, и сегодня утром я вынимал его и смотрел, не потускнело ли.

Он поправил клапан и больше к сумке не потянулся.

Я запомнил его.

Первая пара сошлась со мной у первой колонны.

Один из них накрылся щитом и встал. Вторым ударил из-за его плеча, поверх, коротким прямым — не в голову, а в бедро, туда, где я переступал.

Я привычно вошёл в левый край.

И сразу получил справа.

Второй уже ждал этого: как только я открыл бок, чтобы достать первого, он вложил своё лезвие ровно в складку между пластами оболочки. Оболочка приняла, полоса на боку разошлась, и я почувствовал под ней прижатое к ребру железо.

Больно не было. Пока.

Я отступил.

Это редко бывает приятно — отступить на два шага в первые же секунды, но когда восьмеро работают парами, между приятным и нужным не выбирают.

Я отошёл к песочному бортику.

Он был низкий, никчёмный, перешагнуть его мог любой. И именно это мне и было нужно: когда они пошли за мной, ближняя пара разделилась вокруг угла бортика — один с одной стороны, другой с другой.

Одну секунду они не видели друг друга.

Я ударил ногой по опорному бедру того, что слева. Не приёмом — просто ногой, всей массой, которой у меня в этой оболочке было больше, чем обычно. Его снесло на бортик, он сел в песок задницей, и щит у него ушёл вверх и в сторону.

Я добил его перчаткой в открытое.

Второй обошёл угол и увидел напарника уже в песке. Он был хороший боец. Он не стал орать. Он ударил туда, где я должен был выпрямляться.

Я не выпрямился. Я вошёл снизу, из положения, из которого меня не ждали, и вбил ему кулак под подбородок так, что он ушёл спиной в колонну.

От колонны я его и добил.

Внимание! Получено 140 Очков Системы.

Уровень: 13 (183/260 Очков Системы).

— Варт, справа! — крикнул третий.

Тот, кого позвали, вошёл совсем не так, как остальные.

Справа заходить надо широко: обойти бортик, обойти меня и войти с той стороны, где я разворачиваюсь медленнее. Так и обходят. У Варта был косой шрам от виска к губе, светлый на чёрной коже, и он вместо обхода пошёл прямо — через песок, наискось, туда, где я стоял, сократив всю дистанцию тремя шагами.

Он вошёл ко мне вплотную.

Я не успел встретить его как положено — он был уже внутри, и его короткое остриё уже шло в соединение плеча, туда, где оболочка тонкая от природы.

Оно вошло.

Я почувствовал это по-настоящему: не давление, а вход, и потом — как он поворачивает кисть.

Я прижал его руку левым локтем.

Не выдёргивая из себя, а прижав к собственному боку, чтобы он не мог повернуть. Он рванул. У него была сильная рука. У меня в тот момент было пятнадцать силы и ещё одна сверху от формы, и я его руку удержал.

Пятьдесят маны ушли в правый кулак.

Кулак маны — не огонь и не молния, что бы там ни думали те, кто видит его в первый раз. Это просто плотный слой поверх накладок, и он делает с телом то же, что делает кувалда с тем, с чем обычно управляется молоток.

Я ударил его правой в бок. Ещё десять маны ушли в удар.

Внутри у него что-то поддалось сразу, целым куском. Он согнулся и всё ещё держал своё остриё в моём плече, и я добил его второй перчаткой в затылок, обычной, без всего.

Он умер у меня под локтем. Я вынул остриё из пробитого края оболочки; кожу оно достало, но неглубоко. Отступил за бортик. Покрытие на правой руке держалось; новый удар придётся выбирать, а не молотить по щитам до пустого резерва.

Мана: 140/800.

Под плечом стало мокро. Неглубокий порез щипал, но рука работала, и я снова поднял локоть, закрывая этот край.

Я посмотрел на него.

Шрам был старый и хорошо заживший — такой остаётся, когда рубленую рану стянули как попало, и живёшь с этим годами.

Варт.

Я запомнил и лицо, и имя, и то, каким образом он ко мне подошёл. За сегодняшнее утро он был первым, кто сделал со мной то, чего я не ждал.

Пятеро остальных перестали ждать.

Они тоже поняли, что подходить по двое — теперь дорого. Двое пошли зажимать меня к бортику, один двинулся в обход левой колонны, а последние двое встали на полпути к трём ступеням и с места не сошли.

Эти двое были опаснее всех, потому что они не дрались. Они перекрывали дверь.

Я сместился к левой колонне.

Не так, чтобы спрятать за камнем спину, а так, чтобы за камнем осталась левая рука — та, которой я возьму кристалл. Правая была под покрытием.

— Не пускай, — сказал я Степану.

Он пришёл из-за арки, как мы договорились ещё во дворе, и теперь стоял между обходящим и мной, приняв на верхний край щита сначала один удар, потом второй.

Он не побеждал. Он пятился на полшага и держал.

— Сейчас заберу, — сказал я и достал кристалл.

Он лежал у меня во внутреннем кармане, в тряпке, четвёртый день. Размером с половину куриного яйца, тёплый, мутновато-белый, и внутри у него всё время что-то очень медленно текло.

Я приподнял нижний край маски за колонной, раскусил кристалл и проглотил — тип восполнения, показанный Идентификацией ещё на складе, иначе и не работал. Лицо оставалось повернуто к камню. Тепло разошлось из живота; я следил за краем Степанова щита, пока резерв наполнялся. Только когда осколки растворились и все пятьсот вошли, я вернул маску на место и вышел.

Мана: 640/800.

Оболочку я не обновил — она бы съела ещё пятьсот, а держалась пока и так.

Я вышел из-за колонны не в середину пятёрки.

Я вышел на того, кто давил Степана.

Он был развёрнут к щиту всем корпусом и не успел даже начать поворот. Я ударил левой под руку, правой в челюсть. Голова мотнулась, и я добил его левой в открывшийся висок. Усиленный удар забрал десять; осталось шестьсот тридцать.

Степан отступил за колонну. Щит у него был надрублен сверху дважды, но рука, которая его держала, была цела.

— Дальше без меня. — Степан встряхнул щитом, сбрасывая щепу. — Я к двери.

— Держись у арки. Киру отсюда видно.

Оставшихся было четверо: двое, которые гнали меня к бортику, и двое у ступеней.

Ведущим из первых двух был тот, с сумкой. Я узнал его по клапану ещё до того, как разглядел лицо.

Щит он держал хорошо и низко. Я сделал вид, что снова зайду слева, — и он поверил: чуть опустил щит, готовя мне встречу в корпус.

Я зацепил верхний край его щита предплечьем и потянул вниз.

И ударил левой перчаткой в открывшееся лицо.

Он выдержал. Голова у него мотнулась, он сделал шаг назад и снова накрылся — и вот на этом я понял, что обычной серией я его буду вскрывать долго, а долго у меня нет, потому что второй уже заходит.

Я повернул правое плечо. На этой руке покрытие ещё держалось.

Усиленный удар пришёлся в верхний край щита. За тяжёлый толчок ушло двадцать ман; доску дёрнуло вниз вместе с рукой. Хобгoblin попытался удержать её, но локоть подвернулся, и лицо осталось открытым.

Я добил его правой в голову — ещё десять.

Мана: 600/800.

Второй из пары попытался уйти вбок, увидев, как лёг ведущий, и я не дал ему уйти вбок. Я пошёл за ним вдоль бортика, поймал за плечо и развернул на себя.

Он ударил снизу, почти вслепую. Попал в ту же полосу на боку, что и первая пара, и на этот раз пробил.

Кровь я почувствовал не сразу, а через два движения — как тепло, идущее вниз по рёбрам под оболочкой.

Я перехватил его вооружённую руку левой и ударил правой в голову — ещё десять. Когда пальцы на рукояти разжались, отпустил.

Последние двое пятились к ступеням.

Они не бросали дверь. Они пятились так, чтобы остаться между мной и ею, и один из них поднимался спиной вперёд. А это нельзя делать на незнакомых ступенях, даже если ты стоял у них весь день.

Он нащупал пяткой вторую ступень и на секунду встал неровно.

Я подскочил снизу, толкнул его плечом в напарника и, пока второй удерживал равновесие, ударил первого правой под челюсть — и снова десять. Он сполз со ступени, больше не поднимая головы.

Второй развернулся и бросился к двери.

Она захлопнулась перед его лицом.

Я видел, как из-за створки на мгновение показалась рука Харена, и слышал, как с той стороны пошёл засов — не до конца, потому что доска у гнезда была старая, а торопился он сильно.

Оставшийся стукнулся в закрытую дверь ладонями.

Он обернулся ко мне, выставляя оружие, но я уже был рядом. Правой прижал его запястье к косяку, левой дважды ударил в голову. Он осел у порога; тратить ману на него не пришлось.

Внимание! Получено 420 Очков Системы.

Внимание! Вы достигли четырнадцатого уровня!

Внимание! Вы достигли пятнадцатого уровня!

Уровень: 15 (63/300 Очков Системы).

Получено 4 свободных очка параметров.

Я упёрся ладонью в створку и нажал. Она подалась на палец и стала: засов лежал в гнезде наполовину, дерево у края трещало, но держало.

Я снял ладонь и отступил на полшага за косяк.

— Держи просвет, — сказал я Степану.

Он поднялся по ступеням и поставил щит так, чтобы закрыть щель между дверью и косяком. Оттуда, изнутри, в эту щель уже совали что-то длинное.

Я стоял за камнем и распределял.

Два очка — в мудрость. Восемь стало десять.

От боли я вжался затылком в камень. Я перестал слышать слова Степана — только удары по щиту, один за другим. Пальцы разжались; я прижал ладонь к стене, чтобы не сползти, и

переждал, стиснув зубы. Когда двор снова собрался перед глазами, Степан уже держал щит обеими руками. Я тронул его плечо: стою, сейчас помогу.

Потолок резерва встал на тысяче, и в тот же момент Система показала то, чего на прежних пределах не показывала: два варианта бонуса — штатный или случайный.

Я выбрал штатный.

Истинный взор. Ранг Е.

В глазах не изменилось ничего. Я и не ждал, что изменится: чтобы он заработал, его надо включить, а включать незнакомую вещь перед незнакомой дверью — последнее дело. Я оставил его лежать, где лежит.

Ещё два очка — в силу оболочки.

У формы свой счёт, отдельный от моего. То, что я в неё вкладываю, остаётся в ней и усиливает нынешнюю оболочку, а потом сохранится для следующей. Плечи и спина стали чуть тяжелее, будто на меня накинули мокрую куртку — и через два вдоха это ощущение ушло, а тяжесть осталась внутри.

— Шестой, — сказал Лев.

Он пришёл с той стороны двора, обходя тела, и в руке у него была узкая кожаная сумка с ремешком.

— С этого. — Он показал подбородком на того, кому я вывернул руку со щитом. — На поясе висело. Я ещё когда они выходили заметил: он его трогал.

— Я тоже заметил.

— Ну так чего молчал? — сказал Лев и осёкся, сообразив, в какой именно момент я мог бы ему об этом сказать.

Я взял сумку и раскрыл.

Внутри, в кольце из простёганной кожи, лежал кристалл — такой же, как мой, может, чуть длиннее.

Я вызвал обычную справку и сопоставил кристалл с тем, который уже проверял Идентификацией на складе. Та же форма, тот же тип восполнения; справка показывала заряд. Тратить сейчас ману на повторную проверку знакомого предмета я не стал — она требовалась для шага.

Кристалл маны. 500/500.

— Степан, ещё немного, — сказал я.

— Стою, — отозвался он из-за щита. В щель ему сунули железо, и он принял его на оковку.

Я отвернулся к камню, приподнял край маски и раскусил второй кристалл. Он оказался твёрже первого, хрустнул на зубах. Я проглотил осколки и вернул маску на лицо. Степан держал просвет, а я ждал, пока тепло поднимется из живота.

Мана: 700/1000.

Мана: 900/1000.

Мана: 1000/1000.

До кристалла в резерве было пятьсот восемьдесят. Четыреста двадцать долили его до края; ещё восемьдесят остались в нерастворившемся осколке.

Потом закрыл глаза на один вдох.

Тысяча.

Я стоял у чужой двери, за чужим камнем, с разодранным боком, в чужом теле поверх своего, и первый раз за всю неделю у меня было столько маны, сколько стоит шаг.

Школа Короткого Шага. Блинк. Пять метров за тысячу маны.

Вчера это были слова, перед которыми я стоял с пустыми руками. Сейчас тысяча была моя.

Я вспомнил песчаный круг во дворе Ордена, черту, проведённую носком сапога, и Степана со щитом посередине круга, и как я обходил его пешком и вставал на выбранное место,

проверяя, встанут ли ноги. И как Кира сказала, что предупреждать надо, а то она сама меня туда стукнет.

— Ему я не скажу, — сказал я вслух.

— Чего? — переспросил Степан.

— Отойди от двери.

Он убрал щит и сошёл на ступень ниже.

Я вернулся к створке, упёрся в неё плечом и надавил всем, что у меня теперь было.

Доска у гнезда лопнула вдоль. Засов вышел из своего паза вместе со щепой, и дверь пошла внутрь.

И в ту же секунду в щель, сверху вниз, ударило тяжёлое.

Щепа брызнула мне в маску. Я не отступил — повернул плечо, пропуская лезвие вдоль, и вошёл следом за откатившейся створкой.

Зал был длинный и светлый снизу.

Свет шёл от свечных рядов вдоль правой стены — низкие металлические стойки, на каждой по десятку огней, и от них на плитах лежали длинные полосы. Выше этих полос свет не доставал: потолок висел в темноте, и где-то там, под ним, были узкие окна, из которых на пол падало ещё три косых столба, серых от пыли.

Пахло воском и чем-то сладким, вроде подгоревшего масла.

Слева, ближе к дальнему столбу, была ещё одна дверь, узкая, со стороны служебного выхода. Может, за ней кладовая и лестница вниз. Савель видел только наружную дверь, через которую выносили корзины; что внутри, он не знал.

Посреди зала стояли два толстых столба. Они держали балки и стояли неудобно: между ними и стенами оставалось шагов по пять, а между ними самими — шагов восемь.

В торце было возвышение в три ступени. На нём — каменный стол, а за столом стойка для оружия, пустая.

Оружие было в руках. У того, кто его держал, на правом боку из открытого кожаного гнезда выглядывала карта.

На второй ступени стоял старик, и в руках у него был жезл — из тех, что зовутся жезлами только по привычке: длинное древко в полтора моих роста, и на конце не наверх, а широкое рубящее лезвие, в две ладони.

Он был немолод, сух и высок — выше меня на голову. Лицо длинное, гладко выбритое, с глубокими складками от носа вниз. Волосы седые, забранные назад. Облачение тёмное, тяжёлое на вид, и под ним угадывалось что-то ещё: на плечах и на груди оно лежало не как ткань.

На этом лице не было ничего похожего на то, что творилось сейчас с лицом Харена.

Харен был напуган. Он стоял слева от возвышения, и я увидел это по тому, как у него ходила рука с коротким клинком: не дрожала, а искала — он перехватывал рукоять и перехватывал снова.

Второй — коренастый, с круглым щитом и широкой короткой саблей — стоял у свечного ряда справа. Этот держался спокойно.

Я вошёл на четыре шага и встал.

Середина зала между столбами была пустая. Ни стоек, ни утвари, ни ступеней — ровные плиты и три косые полосы света.

Я отметил это, входя, и больше туда не смотрел.

— Больше никто не войдёт, — сказал я.

Старик посмотрел мимо меня, на дверь.

За моей спиной Степан упёр край надрубленного щита в косяк — так, чтобы створка, которую я вынес, не закрылась обратно. Потом он вынул щит, отступил и снова поставил. Скрежет оковки по камню был хорошо слышен в этом зале.

— Стража, — сказал старик.

— Ард! — Харен сунулся было к возвышению.

Ард коротко ударил концом древка по ступени. Коренастый у свечей дёрнулся вперёд. Жрец повернул оружие поперёк пути Харена — к боковой двери.

— Стой там.

Харен убрал ногу со ступени и отступил к столбу.

Никто не вошёл.

Я увидел, как он это понял — по тому, как он перехватил древко ближе к середине.

И в ту же секунду второй, тот, что справа, пошёл вдоль свечного ряда мне в бок.

Вот это и был их расчёт. Не выстроиться передо мной втроём, а растащить меня по трём направлениям: жрец бьёт с возвышения, где у него длина и высота, один заходит справа, второй — с левой руки. Тогда я либо иду на Арда и получаю в спину, либо не иду.

Я пошёл на того, кто справа.

Ард дёрнул жезл за мной и остановился: на такой дистанции его лезвие снесло бы свечные стойки и собственного человека.

Коренастый встретил меня как надо — прикрылся и попробовал срезать мне накрытую маной кисть коротким движением сабли снизу.

Я отдёрнул правую руку и ударил в щит левой.

Просто проверил, что у него с опорой. Он выдержал, не сдвинувшись ни на палец — крепкий был, ниже меня и тяжелее.

Он тут же ответил: вынес щит мне навстречу, кромкой в лицо, и следом рубанул из-за него.

Я принял кромку на левое предплечье и отвёл удар сабли наружу. Лезвие скользнуло по оболочке, не достав тела.

Мы стояли слишком близко к стене и слишком близко к его огню. Ему это было удобно: справа от меня железные стойки в мой рост, слева он, и куда бы я ни сместился, я упирался в одно из двух.

Тогда я ударил ногой по низу ближней свечной стойки.

Железо поехало по плитам ему под стопу. Он не сломал ногу и не упал — он сделал то, что делает любой на его месте: переставил ступню.

Пока он переступал, я врезался левым плечом в щит и толкнул его к стене.

Он ушёл плечом в стойку, свечи посыпались, воск потёк по плитам. Я поднырнул под руку с саблей, прижал её правой к железной стойке и ударил левой под ребро. Он согнулся. Второй удар пришёлся в шею, третий — под ухо. Магией пользоваться не пришлось.

Внимание! Получено 90 Очков Системы.

Уровень: 15 (153/300 Очков Системы).

Харен ударил мне в бок раньше, чем коренастый лёг.

Он был быстрее, чем я ждал от него после рынка. Короткий клинок, шаг в сторону, и он выбирал не «куда достану», а «какая рука у него сейчас занята».

Занята была правая.

Он вошёл слева и достал.

По оболочке на боку — по той же полосе, что уже вскрыли внизу, прошла ещё одна линия, и в этот раз я услышал, как она идёт по мне. Я развернулся вместе с ударом, не давая ему довести.

Он отскочил на два шага к Арду.

— Отдай, — сказал он. — Просто отдай, и уйдёшь. Оно целое, оно не твоё, ты его даже не...

— Сам заberi, — сказал я.

Он посмотрел за моё плечо, на дверь, которую я вынес, и на пустой двор за ней.

Он ведь за этим сюда и бежал. Не драться — договориться. Позавчера на рынке он держал ладонь на чужой рукояти и спрашивал, сколько стоит жизнь человека, который за ней пришёл. У него это хорошо получалось, потому что за его спиной всегда кто-то стоял.

Сейчас за его спиной стоял старик с жезлом, которому нужно было пустое место перед собой и который поэтому его к себе не пускал.

Харен это знал.

Он пошёл ещё раз — не потому, что верил, что достанет, а потому, что больше ему деваться было некуда.

Я сбил его клинок левым предплечьем, поймал руку у локтя и прижал к столбу.

Первый удар правой в открытую голову он ещё пережил — дёрнулся, попытался вывернуть кисть.

Второй закончил.

Внимание! Получено 90 Очков Системы.

Уровень: 15 (243/300 Очков Системы).

Поверх строки с ОС вспыхнуло красное: «Кровавая метка». Подпись над Хареном была зелёной — для Системы он оставался своим, как когда-то Матвей. Я смахнул уведомление — жезл Арда уже шёл ко мне. Наказание не ждало, пока я закончу со всеми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.